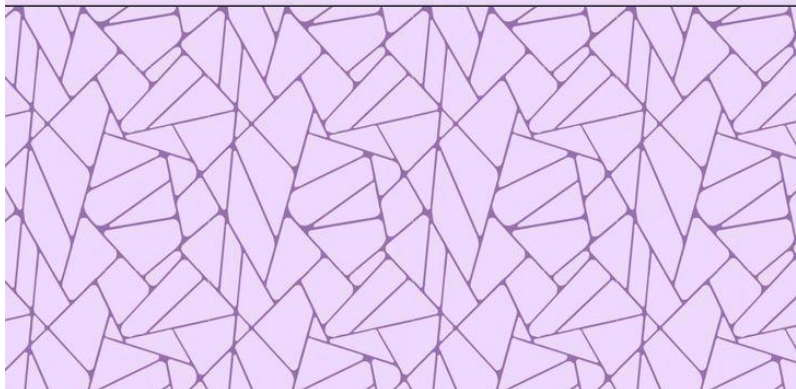

18+ Наталья Сергеевна Коноплева

*Лёд и пламень,
или Великая
сила прощения*

Роман

Наталья Коноплева
Лёд и пламень, или Великая
сила прощения. Роман

<https://litres.ru/70197988>

ISBN 9785006206458

Аннотация

Страшная война разразилась в магическом мире Ваальбарра. Смогут ли Вэрд, правитель великого народа варрад, и его друзья победить в этой войне и не разрушит ли их дружбу постыдная тайна, стеной вставшая между ними...

Лёд и пламень, или Великая сила прощения Роман

Наталья Сергеевна
Коноплева

© Наталья Сергеевна Коноплева, 2026

ISBN 978-5-0062-0645-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты играешь на арфе ушедших веков,
Сталь струн теребя,
Огонь давно погасших костров,
Пылает в твоих глазах.

Ты поёшь нам о том,
Кто был чист, как херувим,
Он велик был и в нём
Жизни бился родник.

Исцелять он умел
Светлым жаром души,
Но Зависти хмель
Отнял чистую жизнь.

Бледнолик, нем и бездушен
Ты бродишь как тень,
Воли чужой не нарушить,
Ты предан отныне тьме.

Не умея спастись от оков колдовства,
Живым мертвецом ты ходишь по свету,
И нету спасения от чар силы зла,
Отныне дороги нет к свету.

Ты отныне бессмертен,
В холодной стылой груди
Сердце мёртвое стынет,
Чувства все позади.

В руки меч ли вложили,
Иль упрямый резец,
Равнодушен отныне
Ты, оживший мертвец.

Ты, бесстрастный хранитель
Тайн предвечного зла,
Нет спасенья на свете
От оков колдовства.

Равнодушно взираешь
На кровавый разор,
Лишь приказ выполняешь,
Безразличен твой взор.

Но спасение купит любовь
Того, кого мучить прикажут,
В ком течёт родная кровь,
Брата родного, что слова не скажет.

Упрёком не засветятся глаза
За муки, что ты уготовил,
И лишь по щеке скатится слеза
За прежние дни твоей чистой неволи.

Когда ты был заперт как узник в темнице,
В стенах академии магических сил,
И мудрость, что на полках пылится,

Ты изучал, и этим ты жил.

Теперь ты проклят своими
За то, что не по воле вершил,
Навеки твоё опорочено имя,
Разве для этого жил?

Но будешь спасён от оков колдовства
Любовью и светлой душой,
И к жизни новой откроешь глаза
И следом пойдёшь за судьбой.

Я распахнул тяжёлые дубовые створки Зала Советаний. Ровный мягкий свет сотен свечей в десятках бронзовых и серебряных канделябров, стоящих на столе и вставленных в хрустальные люстры, заливал огромный зал, своды которого тонули в головокружительной высоте, а из окон во всю стену навстречу свету свечей лился свет полуденного солнца. Свет играл на стенах и полах, облицованные золотисто-розовым мрамором с сиреневыми прожилками, белоснежные колонны гордо возносятся в головокружительную высоту. Я медленно пересекаю залу и останавливаюсь у подножия трона. Я склоняюсь в земном поклоне.

— Приветствую тебя, Vǫrðnúr ar Daon Virrd'lá!

Я досадливо подумал, что не худо бы было повелитель-

ницы изменить древний обычай, принуждающий по этикету обращаться к своим советникам и прочим знатным вельможам полным именем.

Я занял своё место по правую руку правительницы. Алта острова Ленос, Альдис Алтар Санэл Вин'ар, была мудрой женщиной. Прекрасные черты её лица были безукоризненно правильны, мягкий взгляд внимательных серых глаз, длинные серебристо-белые волосы, на которых лежал золотой обруч с благородным опалом надо лбом, белое платье — вся она вызывали во мне отнюдь не те чувства, которые должен был бы испытывать первый советник к своей повелительнице. Да, я почитал её, но вместе с тем... я был безнадёжно влюблён в Альдис.

— Приветствую тебя, Tean ar Gand Pele'on! — услышал я звонкий голос повелительницы.

Перед тронем согнувшись в низком поклоне, стоял её доверенный советник, Теан, у меня язык не поворачивается называть его полным именем. Этот теан был весьма неприятным типом, я всегда гордился своим ровным отношением ко всем людям, окружающим меня, но Теан успел завоевать моё презрение.

Второй советник занял своё место по правую руку от повелительницы, рядом со мной. Вскоре зала стала наполняться. Прибыли послы сразу из четырнадцати союзных государств. Я не слушал, всё было мне известно задолго до начала внеочередного совета. Я сел так, чтобы никто и не усоч-

мнился в моём пристальном внимании, первому советнику полагается внимать всему, что происходит в зале совещаний, а сам углубился в свои думы, которые, по правде сказать, были далеко не радужными. Но, сперва, хотелось бы познакомиться тех, кто будет читать мои дневники с окружающей обстановкой.

Мы, народ варрад, Дети Бури или Белые стражи, как нас ещё называют. С нашего языка Раика, «Varrad» на всеобщий переводится как «верные долгу», Но, думаю, придётся поведать историю возникновения людей и прочих «разумных рас», как пренебрежительно отзываются о нас последние, чтобы читающим мои дневники стало более понятно положение вещей.

Мир зародился в вечном хаосе, где властвовали стихии и назывался он Ванахейм, то есть Обитель стихий. Иногда его называли Гвенас, что значит «Светлый, сияющий». Населяли Ванахейм ваны, чистые светлые духи, или вернее, первые боги и Светлые альвы: духи воздуха. Главным среди первых богов был вана-Ньёрд. Он и усмирил стихии и призвал их служить себе и своим соплеменникам, он поднял землю со дна Великого океана, создал звёзды и луну, и, главное, чудо, солнце. Когда солнце только поднималось из Великого мирового океана, из морских волн вышел юноша, облачённый в белоснежные одежды из морской пены. Его волосы навеки вобрали в себя сияние солнечный лучей, а когда он улыбался, лицо сияло словно солнце, и ваны дали юноше имя

— Хеймдалль, то есть владыка миров, потому что предвидели, что именно он вдохнёт жизнь в неживое и создаст первых людей. В Ванахейме, стране вечной юности, время текло медленно, ведь вана-Ньёрд, создавший этот край повелел, чтобы время не старило его жителей. Увидел юный Хеймдалль дивные красоты Ванахейма, земли, на берегах которой гнездились огромные морские птицы, с белоснежным оперением, и лишь кончики крыльев были чёрными. Люди позже назовут их Странствующими альбатросами, а в лесных озёрах плавали изящные птицы с чисто белым оперением, их люди назовут лебедями. Видел Хеймдалль и зеленеющие густые леса, и обширные поля с высокими травами и луга с дивными цветами, слушал грохот волн, разбивающихся о гранитные утёсы, шёпот лёгкого прибоя на прибрежном песке, видел прекрасные дома и дворцы из прочного камня и крепкого дерева, видел животных и птиц, но нигде не видел он существ, которые походили бы на него самого и на приютивших его жителей этой страны. «Кому будем мы передавать свои знания и умения, если не людям?!» — сказал он Ньёрду. Задумался владыка Ньёрд, и вот отправился он вместе с Хеймдаллем на берег моря, где и взял Хеймдалль несколько сущностей: морскую пену, солнечные лучи, дыхание ветра, утреннюю росу, аромат всех цветов, пение птиц, буйство грома и молнии, морские валы и шелест листвы и трав и создал первых людей: мужчину, которого нарёк Гвендэль, что значит «Светлый» и женщину, которую назвал Гве-

наэль, то есть «Сияющая». Затем он дал им три сущности: мысль, волю и чувство. Ожили люди, и было в женщине Гвенаэль больше от красоты и нежности цветов, шелеста листьев и трав, и стала она первой целительницей, а в мужчине Гвендэле было больше от буйства грома и молнии, от разгула морских волов и вольных ветров, и стал он первым мореходом, первым поэтом и мудрецом. Но, создавая сердца первых людей из хрустальной капли росы, дрогнула рука Хеймдалля от того, что подул ветер, и песчинка морского песка попала ему в глаз. Зажмурился светлый бог и не заметил, как несколько песчинок попало в безупречный хрусталь его творения. Это были алчность, тщеславие и жестокость. Но слишком ясны и чисты были сердца первого мужчины и первой женщины, чтобы песчинки успели проникнуть глубоко и навсегда испортить их, но с каждым поколением всё глубже и глубже проникает в сердца людей спесь, жадность и злоба. Но не скоро ещё суждено понять это ванам.

У первого мужчины и первой женщины родились дети: сыновья Хэвард и Эвинд, что значит «Защитник» и «Островной ветер» и девочки-близнецы Дану, что значит «Богиня» и Дон, что значит «Властительница вод».

Стали ваны учить людей, передавая им свои знания и умения: они обучили их первым ремёслам, научили строить корабли, выделывать кожи, учили искусству слагать стихи и песни, искусству провидцев и мудрецов, передавая им высшее знание. Если бы знали ваны тогда, как жестоко отбла-

годарят их первые люди. Возмужав, братья Хэвард и Эвинд отправились за море, и с тех пор о них никто не слышал, ведь что за морем, окружающим Ванакхейм никто не знал, а сёстры-близнецы взяли в мужья братьев, сыновей доброго великана Белторна: Дану выбрала в мужья старшего из братьев Белтана, а Дон младшего Белиса. Вскоре у них родились сыновья и дочери. Старшим среди сыновей Дану был Дагду, превзошедший в искусстве игры на арфе и сложения стихов самого Ньёрда, а первенцами Дон были близнецы Гвидион и Гованнон, оба прилежны были в магическом искусстве, но Гвидион больше любил солнечные поляны и заоблачные небесные просторы, а его брат безбрежную ширь моря и подводные глубины. Возмужав, Гвидион, подобно Хеймдаллю создал из девяти существей человека, наделив его мудростью и дав имя Гвион Бах. Не знал Гвидион, какая судьба ждёт его воспитанника, не знал он, что суждено Гвиону Баху трижды погибать и трижды возрождаться и что прославится он, как великий мудрец и поэт под новым именем Талиесин, и вместе со славой придёт к нему самый страшный порок — тщеславие. Но несмотря на свою гордыню, им будут восхищаться, тогда как его сыном, прекрасным Адаоном, мудрым и скромным юношей, искусным в ремесле воина и в искусстве сложения песен, предсказания и игре на арфе, люди будут вспоминать вскользь, тогда как именно Адаон будет достоин истинного поклонения.

И покинули сёстры вместе со своими супругами и детьми

сокрытый Ванахейм, которые они стали называть Авалоном или иногда Тир На Ног, и увели за собою многих людей, и осели они на западных островах, и стали называть люди, последовавшие за Дану себя Туата Де Данаан, а последовавшие за Дон именовали себя Детьми Дон. Шли годы, складываясь в века, и превратились песчинки в душах людей в камни: злоба, алчность, ненависть, зависть, гордыня и жестокость превратили могущественные племена двух сестёр в мелочную, вечно грызущуюся между собой свору.

Оставшиеся в Ванахейме люди постигали высшую мудрость ванов, которых они стали называть богами, хотя сами ваны этого не хотели, они не любили поклонения, ибо поклонение и почёт ведут к гордыни и тщеславию, а гордыня и тщеславие — к злобе и зависти, а злоба и зависть — к ненависти и отчаянию.

Взял Хеймдалль в жёны родную сестру Ньёрда, Нертус, которая уже родила брату двоих детей: сына Фрейра и дочь Фрейю. Не приветствовали ваны близкородственных браков, да и сами Ньёрд и Нертус повинились в проступке, вот почему ни Фрейра, ни Фрейю ваны, кроме отца и матери, так и не смогли полюбить.

Своего первенца Хеймдалль и Нертус назвали Тхандином. И именно Тхандин стал первым Великим вождём народа варрад. У Хеймдалля и Нертус было много детей, род великих королей.

Великий и пресветлый Ванахейм был сокрыт, потому что

вокруг ещё кипели стихии, вырывающиеся из двух противоборствующих миров: Нифельхейма: страны туманов и холодов и Муспельхейма: страны огня. Огонь Муспельхейма, встречаясь с вечным льдом Ниффельхейма, сталкиваясь, великие стихии льда и огня, становились ядовитым паром, оседающем ядовитым инеем на поверхности льда. В пустоте, где не существовало ни света, ни тьмы, бушевали лишь стихии и называлась эта пустота Мировой бездной, или бездной Гиннунгабаб. Из вечного хаоса и родились злобные инеистые великаны. Первым и самым злобным среди них был великан Эмир. Но некоторые из потомков Эмира и других великанов оказались добрыми, или им просто надоело убивать, а некоторые считают, что добрые великаны на самом деле пришли из самого Ванахейма. Главным среди добрых великанов был Белторн, владеющий тайными знаниями: рунами. Говорят, что рунам Белторна обучили сами ваны. Великаны стали сражаться между собой, а тем временем в мировой бездне родилось первое животное: корова Храумдумла, которая и вылизала изо льда прародителя асов Бора. Возмужав, Бор взял в жёны дочь Белторна и у них родились сыновья: Один, Вили и Ве. Они сразились со злобным Эмиром и убили его, а из его тела сделали землю, из крови, моря и реки, из волос леса, из осколков зубов и костей горы и скалы, из черепа небесный свод, а из мозга облака. Затем боги решили населить землю, и первых людей они вырезали из деревьев: мужчину из ясеня и назвали его Аск, что значит Ясень, а женщи-

ну из ивы, и назвали её Эмбла, что значит Ива. Затем взяли они земляных червей, что завелись в мёртвом теле Эмира, и вылепив из них маленьких существ, наделили их разумом и поселили под землёй, назвав Тёмными альвами, или гномами. Позже люди стали приписывать асам и создание светлых альвов или эльфов. Из искр, вылетающих из Муспельхейма асы вылепили звёзды, луну и солнце, а управлять небесными колесницами, по очереди возящими по небу луну и солнце посадили детей одного из добрых великанов: Девочка, по имени Соль правила огненогривыми конями, запряжёнными в колесницу солнца, а её братец, Мун, сереброгривыми конями, возящими по небу колесницу с месяцем. Мрачная и темноволосая великанша из рода злых великанов по имени Наттен или Ночь родила светлоликого и прекрасного сына, называемого Даг или День. Любила Ночь время, когда колесница Соль скрывалась за краем небосвода, а её братец Месяц правил своими конями на виду у живущих. Никогда не улыбалась и не смеялась Ночь, и вот с тех пор и называют её именем те часы, когда Соль отдыхает за краем небес, а светлоликий Даг, или день был влюблён в светлую Соль, и радовался, когда она появлялась на небосклоне. Его именем и назвали те часы, когда над миром властвует Соль. Вот почему зло и смерть так любят ночные часы и ненавидят день. Устроив новый мир, боги разделили его на девять частей, кстати, они искренне поразились и опечалились, когда обнаружилось, что есть уже некий мир, что гораздо древнее и

прекраснее того, что они создали, ведь Ванахейм был создан мудростью, а не жестокостью, и время и тлен были не властны в заповедных землях, и не ванам, ни светлым альвам, ни другим созданиям, жившим в этой стране неведомы были ни злоба, ни зависть, ни ненависть, ни гордыня, ни коварство и ложь. Все эти чувства причудливо сплелись в старшем из троих братьев асов Одине, вот почему люди стали называть его богом обманщиков. Но скрыл Один свою истинную сущность от светлых ванов и предложил им союз, но отказались ваны, потому что не могли они помогать убийцам, пусть даже убийство было совершено во благо. Тогда Один и замыслил погубить ванов. А пока присвоил себе создание дивного края. Сами боги создали для себя в небесах страну, Асгард, страна асов. Много дивных палат было в Асгарде, но главными среди них Вальхалла — обитель воинов Инхериев, славных храбрецов, павших на поле боя, которых Один призывал к себе, дабы сделать из них могущественную дружину, ибо было предсказано Одину, что грядёт день Рагнарёк, день конца всех девяти миров. Первых созданных людей они поселили в Мидгарде, срединном мире, на запад от Мидгарда лежит сокрытый дивный Ванахейм, а на востоке, за горами страна злобных великанов Хримтурсов или троллей Иотунхейм. В воздухе между Мидгардом и Асгардом находилась страна светлых альвов Лессальвхейм, а под землёй, под Мидгардом страна тёмных альвов Свартальвхейм. Когда в Мидгарде стали умирать люди появился и другой подземный мир

Хельхейм, мир мёртвых, ниже Хельхейма, на самом дне мировой бездны и на север от Мидгарда находился Ниффелхейм, царство вечного мрака и небывалых холодов, страна иннистых великанов, а к югу от Мидгарда располагался огненный Муспельхейм. Потомки первых людей оказались жестокими и алчными, завистливыми и лживыми. Именно так и должно было быть, ведь могло ли светлое и доброе родиться на земле, изначально осквернённой убийством. И поклонялись эти жестокие люди асу Одину, ставя его главой над другими двенадцатью асами. И разве могло поклонение богу обманщиков и висельников сделать людей чистыми и добрыми.

Из всех трёх братьев, только у Одина были дети. Жену его звали Фригг, говорят она была из земель Ванакхейма, но к племени ванов не принадлежала, поэтому Фригг была самой доброй и мудрой среди асиний. От Фригг у Одина родились дети, но были у него дети не от только от законной супруги, его дети и побратимы и стали высшими богами. Именно они и развязали первую войну с ванами. Вот как повествуют легенды людей-северян об асах:

В основной пантеон входили двенадцать асов, детей и побратимов Одина и, разумеется, сам владыка девяти миров. Помимо асов в асгарде жили и асиньи. Первой из них по праву считается жена Одина асинья Фригг. Вот список основных богов. Отец богов и людей, одноглазый Один, бог войны, раздоров и обмана, покровитель повешенных, ибо сам когда-то

повесил себя на суку мирового дерева. Ему издавна посвящали пленников, набросив им на шею петлю и, пока петля не затянулась, пронзали сердце копьём. Петлю также надевали на шею новому конунгу, то есть правителю людей-северян, и прикасались к его груди копьём. Случалось, что неугодного правителя копьё пронзало, а петля на шее сама собой затягивалась. Часто путешествует Один по Мидгарду в обличие странника в синем плаще и широкополой синей шляпе, низко надвинутой на единственный глаз, а по небесам он разъезжает на восьминогом жеребце Слейпнире, в позолоченных латах и в золотом крылатом шлеме, с копьём Гугнир в правой руке, что никогда не пролетает мимо цели. Первым после Одина по праву считается рыжебородый могучий бог грозы Тор, сын Одина и богини земли Ёрд. Нет никого во всех девяти мирах, кто был бы равен ему по силе. Носит Тор боевые железные рукавицы и широкий кожаный пояс, в два раза увеличивающий его силу, а на боку у него молот Мьёльнир, крошащий скалы, ибо день и ночь сражается бог грома на востоке со злобными великанами хримтурсами, от коих и пошёл род горных и равнинных троллей. Говорят, что пали на колени великаны, при виде самого Одина, верхом на восьминогом жеребце Слейпнире, а всеотец за их преступления обратил их в гранитные скалы и утёсы. Медленно поднимаются с колен каменные великаны, и когда поднимутся они, наступит день Рагнарёк, последний день и богов, и людей. Вторым по праву считают брата Тора по отцу однорукого бо-

га справедливой войны Тюра или его ещё называют Тиром. Правую руку Тюр потерял, сражаясь с чудовищным волком Фенриром. Но, потеряв руку, Тюр не перестал сражаться, вот почему во всех учебных поединки и в поединках, призванных восстановить справедливость, затеваемых ни ради убийства, а ради поучения, воин обязан брать оружие левой рукой, ведь левая рука разит, но не убивает, ведь прямой удар левой рукой не затронет сердца. Вот почему среди воинов так ценно умение владеть мечом одинаково умело обеими руками, ведь это не только признак мастерства, но и признак воинского благородства, ведь в бою ценно не количество пролитой крови и оборванных жизней, а умение пощадить врага. Бальдр, третий из богов, светлый бог весны, любимый сын Одина и Фригг. Хеймдалль, Светлый или Мудрый ас, сын Одина и девяти матерей, девяти волн, страж радужного моста Биврёст и мирового древа, в последний день Рагнарёк затрубит в золотой рог, оповещая богов и людей, что настал час последней битвы и зов этого рога будет слышен во всех девяти мирах. Он всегда носит белые доспехи и часто замещает Одина на высоком престоле, озирая землю, и на плечах его сидят два лебедя, вот и прозван он Светлым или Мудрым асом, Браги, бог поэтов и скальдов, происходит из рода людей, был рождён в сталактитовой пещере, но живым вознесён в небесные чертоги за своё мастерство арфиста, поэта и сказителя. Браги никогда не расстаётся со своей золотой арфой с серебряными струнами и узорами

из листьев и цветов; шестым из богов считается полнородный брат Бальдра, сын Одина и Фригг, Хёд. Он единственный из всех асов обладает всеми положительными качествами остальных богов: мудрость и благородство Хеймдалля соединяются в нём с добротой Ньёрда, воинское умение Тюра с могучей силой самого Тора, ловкость и быстрота Ульра с осторожностью осмотрительного Вали, замкнутость и молчаливость Видара с гордым нравом и вспыльчивостью Локки и красотой Бальдра. Один недостаток у МОГУЧЕГО Аса — чистая наивная душа, которая и погубила его. Не любят этого аса его родные и сводные братья, ибо предсказано, что именно он убьёт светлого Бальдра. Хёд, бог-провидец, бог судьбы, морозов и холодов, покровительствует врачеванию, кузнечному делу и стрельбе из лука. Сам он ходит в медных доспехах и носит на бедре железный меч, который выковал сам. его часто называют Тёмным Менестрелем, ибо часто ходит он по земле с лютней чёрного дерева с железными струнами. Сам он и вырезал эту лютню, выковал и натянул струны, и зачаровал её, дабы обжигала она руки игравшего на ней, включая и свои собственные, предначальным холодом и наполняла сердце болью и тоской, ибо истинная мудрость постигается через страдание. не только из-за пророчество не любят Хёда. Многими знаниями и умениями владеет этот ас, но за многие знания надо платить, и платить порой высокую цену. От рождения слеп Хёд, и даже асинья Эйр, знаменитая врачевательница, не смогла для него зажечь солнечный

свет. Седьмой из высших богов асов Ньёрд происходит из рода ванов и живёт в асгарде в качестве заложника мира, он был принят богами как равный за свою необычайную доброту, которой отличаются все ваны, повелители стихий. Повелевает Ньёорд морскими ветрами и бурями. За его кораблём повсюду следуют два лебедя, ведь Ньёорд, повелитель моря, лебединой дороги, покровитель мореходов, отправляющихся в дальние плавания, не любит вана Ньёрд ссор и распрей. Ходит он всегда в аквамариновом плаще с капюшоном и большим зелёно-голубым камнем на шее. Когда откидывает он капюшон, молочно-белые, как морская пена волосы развиваются за его спиной, и сверкают на смуглом, продублённом ветрами лице сине-зелёные, как морская глубь, глаза. Фрейр, розовощёкий бог лета и плодородия, сын ньёрда и его родной сестры Нертус. Подобно отцу и матери, богини растений и плодородия, любит мир и подобно Тюру разрешает споры между богами и людьми; Вали, бог мщения, сын Одина и великанши Ринд, отомстить за смерть Бальдра его невольному убийце, отличный воин и мудрый советчик; Видар или Молчаливый ас, бог птиц и зверей, лесов и полей, покровительствует растениеводству, целительству и собирательству, редко говорит, но всегда даёт мудрые советы; Улл или Ульр, пасынок Тора, нет равных ему в стрельбе из лука, в беге на лыжах, плавании и других спортивных состязаниях; и последний из богов Локи, ни ас и ни ван, он происходит из рода великанов, но был принят в асгард за свою смелость

и смекалку. Локи, бог огня, самый хитрый и коварный среди асов. Не перечеть его козней и злодеяний, главным из которых останется убийство светлого бога весны. Именно Локи, обманом вложил в руки слепого Хёда лук и стрелу из побега Омелы, зная, что побег Омелы не заговорила мудрая Фригг, взявшая клятву со всех растений, птиц и зверей, дабы ни что в мире не причинило вред её любимому сыну. И именно от Локи у страшной великанши Андербоды в железном лесу родились дети, которым и суждено и принести погибель богам и людям: волчонок Фенрир, змея Удгард и девочка Хель. А тем временем Один спокойно правил в Асгарде, когда с запада из Ванахейма пришли три сестры, три вещие норны: Урд — прошедшее, Верданди — настоящее и Скульд — будущее, и именно они поведали отцу богов и людей все, ибо могли предвещать судьбы людей и богов. Сказали они отцу богов и о гибели его сына Бальдра, и о страшных детях Локи, и о дне конца всех девяти миров Рагнарёк, когда в последней битве погибнут и люди и боги и рухнет небесный свод, и расколится земля, но возродится вновь мир, чище и прекраснее прежнего и станут жить и править им чистые, не запятнанные убийством и ложью люди и боги. И поселились три сестры у священного источника Урд в Мидгарде, вблизи которого и стоит их великолепный дворец, в котором и плетут они нити судеб богов и людей, и причудливым узором переплетаются на ткацком станке нити человеческих судеб, и не расплести того узора не одному из смертных, не разо-

рвать полотна, ежели нет на то воли владычиц судьбы. Прошлое, настоящее и будущее — всё в руках вещей норн.

Однажды, путешествуя по своему обыкновению в обличие бедного странника в широкополой синей шляпе и синем плаще по всем девяти мирам, забрёл Один в земли сокрытого Ванакейма, ибо не было для него, всемогущего отца богов и людей, ничего сокрытого и сокровенного, и поразился он красоте и величию богатой страны, а повстречав жителей — их мудрости и скромности. И позавидовал всеотец богатству и мудрости жителей прекрасного Ванакейма. И решил Один отправиться к источнику мудрости, что бьёт под корнем мирового ясеня Иггдрасилля, в Иотунхейме, стране великанов. Что толку бродить по всем девяти мирам, если нет в тебе полной мудрости. Но потребовали стражи источника плату: правый глаз владыки девяти миров, только тогда они позволят ему испить мудрости из священного источника. Отдал Один стражам глаз за глоток мудрости, и раскрылись перед ним все тайны девяти миров, но ему этого показалось мало. Тогда решил он принести всего себя в жертву, и, бросился вниз с мирового дерева, пронзив себя своим копьём Гугниром, никогда не пролетающим мимо цели, но через восемь дней и девять ночей оборвалась верёвка, на которой висело мёртвое тело на суку мирового ясеня, и упав, очнулся Один, и увидел своего деда Белторна, который напоил внука мёдом поэзии и дал двадцать четыре руны мудрости, которые люди назовут Старшим Футарком, потому что руны старшего фу-

тарка использовались только для волшбы, а писали рунами Младшего Футарка.

Стал Один самым мудрым среди богов, но по-прежнему не давал ему покоя богатый и заповедный край за Великим Западным морем. И собрал он всех асов и повёл их на запад, к границам светлого Ванахейма, и вышли тогда из ворот мудрые ваны, что не желали сражаться, но готовы были стоять до конца за свою родину. Хотели они решить спор миром, но бросил Один в них своё копьё Гугнир, что никогда не пролетало мимо цели, и завязалась битва, но никто не мог победить в ней, ибо не суждено никому из них погибнуть до дня Рагнарёк.

Устали боги и заключили мир. Тогда пришли добрые ваны в Асгард на великий пир вместе со своими жёнами, сёстрами и дочерьми. Пленились юные асиньи красотой ванов, вечно молодых жителей Ванахейма со смарагдовыми глазами, словно зелень морских вод и серебристыми волосами, словно пена морская, а незамужним девам ванов пришёлся по нраву облик синеоких асов с волосами цвета расплавленного золота, и состоялось в тот день множество свадебных пиршеств. И пошёл от союза асов и ванов народ Варрад, что значит «Верные долгу». Но своими прародителями считаем мы аса-Хеймдалля и ванадису Нертус, потому, что в отличие от людей, мы помним древнейших богов и чтим их.

Полюбился Одину красивый и мудрый Хеймдалль, опоил его Один вином, подмешав в него сонные травы, а когда оч-

нулся ото сна Хеймдалль выдумал для него историю о том, будто бы рождён был Хеймдалль девятыю волнами от него, Одина, но украден был в младенчестве вероломными ванами. Вана-Ньёрд жил в Асгарде заложником, но как не пытался ван переубедить Хеймдалля, Хеймдалль поверил обману Одина, и даже сын его, Тхандин, не смог пробудить у отца воспоминаний прошлого. И стал аса-Хеймдалль стражем радужного моста Биврёст, и, говорят легенды, именно он протрубит в золотой рог Гиланрхорн, возвещая начало дня Рагнарёк — последнего дня мира. Остались жить в Асгарде и Ньёрд с детьми, а жена Хеймдалля ванадиса Нертус вместе с сыном Тхандином и другими детьми вернулась в заповедный Ванахейм, ибо не могла она переносить разлуку с родиной. По преданию после дня Рагнарёк вана-Ньёрд, живший в Асгарде заложником мира, вернётся в благословенный Ванахейм, который выстоит в последней битве, а некоторые, ещё более древние легенды, которые помнит мой народ, говорят, что вместе с вана-Ньёрдом вернётся в Ванахейм и Хеймдалль, который, наконец, свою истинную родину.

От союза асов и ванов и пошёл народ Варрад. Именно своим детям доверили асы и ваны беречь, сохранять и преумножать мудрость, накопленную ими в золотых небесных чертогах Асгарда и в чистейших белоснежных дворцах и палатах Ванахейма. А тем временем в Мидгарде рождались, жили и умирали люди.

Владыками Запада называли прекрасных мореходов из-за Великого Западного моря. Стремились они вслед за сёстрами Дану и Дон в новые земли, к новым знаниям. Величественны и прекрасны были Властители запада, но, сталкиваясь со злобой и алчностью потомков людей, вырезанных из деревьев Одином, становились великие мореходы злы и завистливы. Всё глубже и глубже проникали в их сердца песчинки, становясь постепенно всё больше и больше, пока, наконец, не превратили их сердца в камни, и стали проклинать их же потомки. Стали великие мореходы запада жестокими и беспощадными пиратами, и не было бедствия хуже, чем их набеги на острова и прибрежные земли.

Боги перестали спускаться в срединный мир живых, а среди людей всё чаще и чаще стали рождаться ужасные люди, которые могли вызывать в себе Неистовство духа, скрытое в каждом живом существе. Их стали посвящать верховному богу Одину и называть берсерками. В постоянных битвах они были незаменимы, потому что не чувствовали боли, не ведали страха и усталости, а сила их увеличивалась во много раз, один разъярённый берсерк мог задушить голыми руками до двадцати могучих воинов прежде, чем падал без сил и засыпал на поле боя. Но в своей неодолимой ярости берсерки нередко набрасывались и на своих друзей и близких. В этом состоянии они становились неуправляемы: налитые кровью глаза, пена на губах, звериное рычание вместо человеческой речи. И подобно волкам берсерки бросались

на горло, разрывая человеческую плоть зубами. Не было ничего страшнее, чем разозлить берсерка, а разъярялись они мгновенно и по любому поводу. Нередко берсерки в своей ярости бросались за борт боевых кораблей и тонули. Но их неуспокоенный дух продолжал носиться над морем с жалобными криками, пока не возвращался в тело. И тогда такой оживший мертвец поднимался из глубин, и тогда спасения от друга не было никому. Как все мёртвые друзья имели магические способности: могли предсказывать будущее, исцелять, превращаться в животных, обычно в котов, сохраняя при этом глаза и разум человека. Так как друзья при жизни были берсерками, то после смерти они питались исключительно человеческой кровью и плотью. Набеги друзей на человеческие поселения были настоящим бедствием.

И вот от этих-то ужасных созданий и должны были варрад — потомки двух великих племён богов, и должны были они оберегать людей. Но не по нраву первым варрад были люди и призывали они в помощь себе Велинов и Велл — детей светлых альвов и богов, которые и ходили по земле, распространяя знание и свет среди людей, а первые варрад наблюдали за ними с высот, и иногда помогали, пока однажды, Семь великих лордов, во главе которых шёл сам Тхандин, не устыдили свой народ, и не повели его в земной мир.

Много восходов вели великие вожди свой народ на восток из благословенного Ванахейма. На дивных белоснежных кораблях плыли наши предки всё дальше и дальше по бурным

водам, пока, наконец, не пристали к двум островам: Смарагдавому острову и Острову Могущества, где и встретили народы двух сестёр — Дану и Дон. Ссорились между собой две сестры, и люди, что шли за ними тоже невзлюбили друг друга. И вот, беспрестанно сражаясь друг с другом, один из двух народов, наши хронисты не помнят, какой, создал ужасный Котёл Перерождения, в котором оживляли мёртвых воинов. В отличие от драугов, имевших душу, способных разговаривать и самостоятельно мыслить, владевших огромной физической и магической силой, Инфери, или Мертворождённые, вышедшие из Котла Перерождения, были безмолвными рабами живых. Не помнили они своего прошлого, не ведали не жалости, ни сострадания. Они были призваны убивать. Даже жестокие драуги иногда помогали смертным, да, за плату, порой за неизмеримую, но помогали, а кое-кто из драугов иногда и вовсе возвращался к своей прежней жизни, ведь всё же были среди драугов и мирные рыбаки, утонувшие в бурю, и добродушные земледельцы, погибшие при пожаре или от голода, миролюбивые лесорубы, придавленные упавшим деревом, а среди инфери не было месту жалости и состраданию. И вот этих-то ужасных воинов Дети Богини Дон и Туата Де Данаан напускали друг на друга.

Но вот однажды на Смарагдовый Остров, а позже и на Остров Могущества пришли Сыны Миля — воинственные племена Властителей Запада, как они себя называли. В жестоких битвах с людьми племена Туата Де Данаан, которые

искренне считали себя богами, потерпели поражение. Часть и села на белоснежные корабли, без зазрения совести отнятые у варрад и отплыла назад, в благословенный Ванахейм, а другая скрылась в волшебных полых холмах, или Ситхах, как они их называли. Дети Дон оказались мудрее своих со-родичей и ещё многие века мирно правили бок о бок с снами Миля. И именно на Острове Могущества нашли варрад себе приют и защиту от людей, которые завидовали их прекрасному облику, огромной магической силе и бессмертию.

Многому обучили варрад детей Дон, из которых позже и вышли первые друиды.

Но именно, здесь, на Острове Могущества, и разошлись пути семерых лордов. Пятеро из них отказались плыть дальше и остались на острове могущества, а двое: Тхандин и Аркенлауг поплыли дальше.

И вот однажды в пустынных водах моря, которое они называли Северо-западным нашли они обширный архипелаг, и основали там своё государство. Женился Тхандин на прекрасной Тхар, сестре Аркенлауга, а Аркенлауг взял в жёны сестру Тхандина — прекрасную Бертею. Так как они были бессмертны, то правили много столетий и родились у них дети, которые и заселили все острова архипелага.

Но вот однажды повздорили между собой друзья, и Аркенлауг вместе с женой отправился странствовать в поисках лучшей доле, и, рассказывают легенды, затонул его корабль в страшную бурю.

Между тем его потомки и потомки Тхандина стали встречать потомков тех пятерых вождей, что остались на острове Могущества. Узнали они и об участии тех пятерых. Когда люди всё же окончательно завоевали Остров Могущества и изгнали последних детей Дон за море, стали они истреблять варрад, живших на острове, и убили всех пятерых великих королей, и их многочисленные потомки отправились скитаться по морям. Многие вернулись в Ванахейн, другие так и остались среди людей, ища для себя лучшей доли.

Рос и множился мой народ, но вражда, которой положили начало Тхандин и Аркенлауг, не утихала. Но люди заставили моих предков позабыть распри и сражаться на одной стороне. Но как бы не сражались варрад за свою свободу, людей с каждым столетием становилось всё больше и больше, и вот наступил момент, когда варрад пришлось спасаться, а не нападать. Они магией укрыли Великих архипелаг в Северо-Западном море.

Шли века, и варрад стали утрачивать бессмертие, потому что начали сходитья с людьми, которые наконец, поняли, что варрад несут добро и свет и стали мирно жить рядом с ними. Поняли... но не все. Многие по-прежнему убивали моих предков, и не только их, но и всех тех, кто не принадлежал к человеческой расе. Велины и веллы, прекрасные бессмертные Посланцы Богов, как их иногда называли, тоже страдали от рук людей и тоже смешивались с варрад, ведь вместе противостоять общему врагу гораздо легче, чем

в одиночку.

Раздались звуки труб.

Я выпрямился в кресле.

В резные дубовые двери чинно вошли шестеро высоких мужчин в серебристых плащах. Впереди них шёл седьмой. На голове его красовался серебряный обруч с многоугольным голубым камнем — отличительный знак государственного посланца. Я внутренне застонал. Видарго к'хар Пеу, глава ордена крау де К'яро народа Ньяров. Ньяры, крылатые люди, обладали поразительной способностью сеять раздор и вражду между дружественными доселе племенами и народами. Гордый, самовлюблённый народ, принимавший за оскорбление любой косо́й взгляд, он был очень богат, занимая обширные территории на вершинах Рудных гор на западе великого Ландского материка. От людей ньяров отличал удлинённый птицеобразный череп, более хрупкое телосложение и, главное, большие крылья за спиной, похожие на крылья стрекозы, такие же переливающиеся и полупрозрачные, но только размах у них был побольше орлиных. А внешность... несправедливо, что такой злобный и склочный народ боги одарили столь прекрасной внешностью. золотисто-коричневые миндалевидные раскосые глаза, белоснежная кожа с медным отливом, тёмно-золотые волосы, хрупкие тела, благородная осанка, словом, сущие красавцы. Несмотря на свои могучие крылья, ими ньяры пользовались редко, предпочитая ездить, вернее летать на крылатых псах, или,

лиманах, как они их называли. Вот один такой кружил сейчас под потолком зала советов, нервируя придворных дам.

Посольство раскланялось, заручившись честным словом алта острова Ленос, что варрад не намерены прерывать торговлю с народом крылатых людей и что в случае нападения... ох, как устал от всей этой дипломатической мишуры.

Совет продолжается, посланцы разных стран и народов по очереди заходят в зал, а я сижу и размышляю о прошлом своей родины.

Люди... люди... сколько зла они причинили моему народу. Война... уже вторую войну я переживаю. Первая была между магами-людьми, но почему-то варрад и тогда не оставили в покое, наверное, из-за наших незаурядных способностей. Большинство из нас встало на сторону Белого союза, возглавляемого Белым Советом магов. Но некоторые предпочли нейтралитет. Мой род, род Виррд'ар был втянут в эту войну. Мне, моим братьям и сёстрам, отцу и матери пришлось сражаться не на жизнь, а на смерть. (женщины у варрад носят оружие на равне с мужчинами). Я помню людские земли, объятые пожарами, чумой и предательством, помню лица вдов и сирот, толпами бегущих из разорённых или сгоревших селений и городов, помню жестокие убийства, подкреплённые только жаждой крови. Я улыбнулся, вспомнив наших женщин на крылатых конях, у людей-северян подобных дев-воительниц называли валькириями. Все представители моего рода погибли в той войне магов, и я остался един-

ственным. И вот новая война!.. страшная грязной расовой война!.. На нашу сторону встали все расы: эльфы, гномы и даже гоблины, оборотни и тролли, которые, вообще-то никогда никому не подчинялись и уж тем более ни с кем не заключали союзов. Даже драконы не остались в стороне. После победы Белого Союза в той страшной войне единственными людьми, которых я жалел, были маги-изгнанники, Отлучённые, или точнее сказать, Отверженные, маги-предатели. Многие из них жестоко раскаивались в своих проступках, но верховный маг не счёл возможным простить их, и они, словно сухие листья, носились неприкаянные по белу свету, нигде не находя приюта. С моей лёгкой руки и алта Альдис стала обращать внимание на этих отщепенцев, по воле «доброего» Светлого совета оставшихся без крова, и стала оказывать им всяческую поддержку, то есть брать их под свою защиту и предоставлять политическое убежище на Ленос. Зачастую эти люди-маги становились нашими хранителями, то есть теми, с кем мы делились своей кровью и в случае нашей смерти в бою или на Круге Познания (круги, на которых мы совершали обряд, убивая себя, и общаясь с душами мудрейших, дающих нам советы, как управлять государством и разные подобные) должны были позвать нас обратно в этот мир, если кто-то из нас по какой-либо причине не хотел возвращаться, хранитель обязан был заставить нас. Но, бывало и так, что хранители не пытались вернуть своего повелителя. После смерти повелителя его хранитель становился самым

могущественным из людей. Я никогда не назначал себе хранителя, потому что считал, что сам вполне способен найти дорогу назад... но что же всё-таки будет с нами, варрад, теперь, когда война длится уже более пятидесяти лет? Я не сомневаюсь, что мы победим, с поддержкой эльфов, гномов и драконов наши силы неравны, но, тогда люди не успокоятся, не желая признать своё поражение. А воевать веками мы не можем. Экономика расшаталась, учащаются предательства и дезертирство, падает боевой дух, уставших от бесплодной борьбы...

Ход моих мыслей грубо прервали, заданным прямо в лоб вопросом. Я его не услышал, а прочёл мысли: «когда же закончится эта война?», на сколько я успел сообразить, посол говорил что-то совершенно другое Альдис, но мысли его были обращены почему-то ко мне. Я поднялся и, выждав приличавшую паузу, сказал, что мы, советники, со своей стороны делаем всё возможное, чтобы эта надоевшая всем война побыстрее завершилась, или, по крайней мере, не была бы столь пагубной. Посол смутился, видимо, вспомнил, как не слишком-то учтиво могли прозвучать его мысли.

Совет завершился всеобщим недоумением. Торговые и иные вопросы были решены, но главный вопрос оставался без ответа: когда же закончится эта треклятая война, и что следует принять для её скорейшего окончания.

Никакого торжественного приёма не последовало, послы распрощались и разъехались, то есть разлетелись. С острова

было только две дороги: на кораблях или на т'арх, а послы предпочитали судами не пользоваться, мало ли что могло их поджидать в открытом море, воздух надёжнее.

Остаток дня я провёл в одиночестве, бродя по лесистым холмам острова Ленос. Вернувшись ко дворцу поздно ночью, я хотел было пройти мимо стражей в свои покои, покои советников располагались на противоположной стороне от покоев повелительницы в самом дальнем конце дворца, как один из стражей поймал меня за рукав и прошептал: «повелительница просила вас зайти к ней!» еле сдерживаемая усмешка очень мне не понравилась, но я поблагодарив, прошёл в дом и тихо постучался в высокие резные двери опочивальни повелительницы.

— Войдите! Я знала, что это вы, Вэрднур, садитесь.

Сама повелительница, уже без золотого обруча и украшений, но всё в том же платье сидела в высоком кресле у стола, опершись подбородком на руки. Я опустился в кресло на против.

— Вэрднур, что вы думаете по поводу сегодняшнего совета, или Вы, как всегда, не слушали?

— Практически угадали, повелительница! — ответил я, как потом сообразил, не очень учтиво, но она даже и не заметила, — я знаю всё, что они скажут ещё до того, как начнётся очередной совет. Уже пятьдесят лет мы созываем эти внеочередные совещания, и на всех одно и то же. Я бы очень хотел...

Но она перебила меня:

— Да, знаю, Вэрднур, но я позвала вас по другому поводу.

Она надолго замолчала и пристально посмотрела мне в глаза. О, как хорошо я знал этот пристальный взгляд. Золотой обруч повелителя и серебряный советника были не только признаками власти, но и позволяли защищать свои мысли от недозволенного вторжения. Сейчас ни на ней, ни на мне не было обручей, а я не мог опустить взгляд, раз установленная, связь могла быть разрушена только установившим её. Волна образов захлестнула моё сознание, и я вздрогнул. Она думала о том, о чем и я.

— Вэрд, я читала твои мысли! Я тоже этого хочу, мы не можем пожениться, потому что древний закон запрещает мне выбрать супруга среди моих подданных, я могу выйти замуж только за правителя другой долины или его наследника. Но... я люблю тебя, Вэрд!

И, не говоря больше ни слова, она бросилась ко мне. Я, не соображая, что делаю, прижал её к своей груди. А потом...

Когда я очнулся от сладостного возбуждения, Альдис лежала рядом с открытыми глазами.

Что я наделал! Она повелительница, а я... жгучий стыд прожѐг меня насквозь.

— Прости меня, — прошептал я, но она уже слышала меня без слов.

— Ты раскаиваешься в том, что только что сделал? Не отвечай, я знаю. Я знаю, что более пятисот лет ты алкал ме-

ня, я знаю также, что у тебя никогда не было женщины, но ты на диво пылок. В тебе скрывается пламень, хоть ты и пытаешься скрыть его под ледяной маской. И это не только страсть. Неистовство духа, скрытое в тебе, когда-нибудь бесконтрольно вырвется наружу, если ты будешь так подавлять его. Ты умелый воин и боевой маг, владеющий также и всеми разновидностями магии, самый могущественный среди варрад, и вынужден постоянно бороться с самим собой. Не заковывай в лёд неистовое пламя, Вэрд, это принесёт тебе несчастье, — она помолчала, а потом задумчиво продолжила:

— До тебя я имела мужчин, но никто из них не любил меня. Им нужен был трон или моё благоволение. Тебе кажется, что ты совершил ошибку, поддавшись искушению, нет, Вэрд, ты поступил так, как велело тебе твоё сердце. Знаешь, я полюбила тебя лет триста назад, когда ты, бросился на остриё копья, заслоняя меня своим телом. Копьё тогда вошло тебе в грудь и вышло, едва не задев сердце. Помнишь?

Да, я помнил. Я помнил горящий город, помнил, как подбитый жеребец Альдис рухнул, а она, в латах и с мечом стояла растерянная, пока к ней не подлетел воин, благо оказавшийся простым наёмником, иначе ей бы не справиться с колдуном. На счастье я оказался рядом, и прорубившись к повелительнице, в последнюю секунду заслонил её собой... Вражье копьё прошло между рёбрами, и вышло с противоположной стороны, чудом не задев сердце. Но я успел нанести

смертельный удар, и наёмник рухнул, увлекая меня за собой. Его конь чуть не раздробил мне все кости, но я выжил. Вопреки судьбе! Я выжил и стал доверенным советником Альдис. А теперь...

— Останься со мной? — жалобно попросила она.

— Я не могу. Ты сама сказала, что мы не можем законно вступить в брак, а быть твоим любовником!

— Не любовником, а возлюбленным! — как-то неуверенно возразила она.

— Возлюбленные не совершают того, что совершил я.

— Но ты не жалеешь об этом? Ты боишься за последствия, боишься гнева совета мудрых, но...

— Нет, не жалею! Но больше... больше мы не должны встречаться так...

— Ты прав, — вздохнула она, — прости меня, Вэрд! Тебе пора. Подожди, я хочу кое-что подарить тебе.

Она встала. Через минуту она протянула мне золотой обруч с огромным рубином в центре.

— Я назначаю тебя моим приемником. Если я погибну... а рубин очень подходящий для тебя камень, недаром, он является камнем твоего рода. Я всегда подозревала, что под ледяной маской бесстрастия таится пламень. И сейчас ты это доказал. А теперь, прощай! Я говорю «прощай», ибо не увидеться нам боле в этой комнате.

Я молча поднялся и склонился в низком поклоне, хотя знал, что этот поклон был бы уместен при полном облачении,

или по крайней мере, хоть в исподнем. Я начал торопливо одеваться, но Альдис вырвала из моих рук рубаху и припала к груди, плача и шепча:

— Я не вынесу этого! Не уходи, а ещё лучше возвращайся! Я перепишу этот дурацкий закон, и мы поженимся.

— Нет, Альдис, ты не вправе изменять заповеданное нам предками. А этот закон относится именно к таковым. Ни один из правителей не может изменить тех законов, которые пришли к нам из седой древности, ты можешь издавать новые, менять старые, касающиеся управления, экономики и так далее, но не можешь распоряжаться...

— А мне наплевать! Я должна!.. Да, ты прав, к сожалению. Но разве ты не можешь хоть раз наступить на горло своей гордости, несколько часов назад ты почему-то не больно-то заботился о своей, да и моей чести. Ты же любишь меня! Что мешает тебе приходиться ко мне по ночам?

— Совесть. Пусти, я должен уйти!

Я отстранил её, и надел рубаху, штаны и куртку, всё безукоризненно белого цвета под стать моим молочно-белым, отливающим серебром волосам, которые теперь в беспорядке были разбросаны по плечам и спине, не сдерживаемые серебряным обручем советника. Дар повелительницы, золотой обруч, я бережно завернул в шёлковый платок, который, оказывается, она тихонько сунула мне в руку. Не оглядываясь, я быстро и бесшумно вышел из её опочивальни. Около своих покоев я налетел на Теана, который, видимо, поджидал меня.

— Ну что, позабавился! — ехидно поинтересовался он.
— Получил своё, а теперь и знать её не хочешь!

Я задохнулся от гнева.

— Да, я люблю Альдис, и в отличие от тебя готов жизнь за неё отдать! А что сделал для неё ты? Твои мудрые советы почему-то всегда приводили к противоположному результату. Почему война, которую ты обещал прекратить после твоих советов разгорелась с новой силой, гражданская война, помнишь? Помнишь, сколько варрад тогда погибло? А люди-предатели, которых ты сманил щедрыми дарами, заставив предать меня и свою повелительницу?

Теан пошатнулся, словно от удара, побледнел, а я оттолкнул его и, ворвавшись в свои покои, начал лихорадочно собираться, то есть попросту бросать в вещевой мешок что попало. Как не странно, собрал я всё самое необходимое: сменное бельё, запасной дорожный плащ, недельный запас сухарей, походную кожаную флягу, запасы еды я заготовил ещё со вчерашнего дня, ведь на днях я собирался отправиться на передовую, то есть невесть куда. Затем, накинув тёмно-серый плащ и опоясавшись мечом, заткнув за пояс пару метательных ножей, и перебросив на спину Гилвурн, смертоносное оружие в виде трёх обоюдоострых клинков, раскрывающихся при ударе, а в сложенном состоянии спрятанных внутри деревянного посоха — обычное национальное оружие варрад. Накинув лямки вещмешка, я быстро вышел из комнаты. Теана уже не было видно. Я вышел из дворца и

направился к дощатым причалам. Негромко свистнул, и из темноты ко мне спикировала большая крылатая тень...

Маленький остров Хавн умывается волнами Великого Северо-Западного моря. И живут на нём статные и красивые люди... нет, не все здесь люди. Много среди жителей Хавна и варрад и велинов с веллами и Властителей Запада. Но хоть живут они рядом с людьми, не любо людям, что среди них живут потомки светлых богов и духов, и приходится представителям нечеловеческих рас тщательно скрывать своё происхождение. Но скрывай, не скрывай, а внешность не изменишь.

Семнадцатилетняя Элладонна пробегала через двор своих приёмных родителей, свою семью она не помнила, знала только, что её матерью была светлая альва а отцом сам Тхандин, великий король народа варрад. Не знала она также и о том, как попала в дом к смертным, но с раннего детства привыкла называть рыбака Аэлрода и его жену, Эрдис, отцом и матерью. И вот как раз сейчас девушка бежала через двор к колодцу, чтобы набрать в пустые вёдра воды, как вдруг услышала громкий стук в калитку. Она бросила вёдра и побежала отпирать. За калиткой стоял высокий мужчина, закутанный в плащ, цвета морской волны, его длинные волосы, белее морской пены, колыхались, словно бы от ветра.

— Приветствую тебя, о дева! — сказал незнакомец глубоким звучным голосом, в котором Элладонне послышался и звон струн арфы, и рокот прибоя, и крики чаек, и...

— Я хотел бы видеть почтенного Аэлрода, твоего отца, проводи меня к нему, красавица!

Девушка смущённо подала ему руку, и в тот же миг ощутила себя, словно воспарившей в небеса в дивном блаженстве. Ощущение это пропало также внезапно, как и появилось, но Элладонна на всю жизнь запомнила пристальный, проникающий в душу взгляд смарагдовых, нет, серых, нет, синих, глаз незнакомца.

Странный гость пробыл у её отца недолго, как позже выяснилось, он приходил сменять свой богатый улов на одну из крепких сетей её отца.

Отдыхая на шхерах, крылатый конь домчал меня до большой земли за трое суток, где я отправился на северо-запад, где знал, и стояли наши войска. В первом же человеческом селении я остановился на ночлег. Я остановился на постоялом дворе. На мне был плащ с опущенным на лицо капюшоном, так что никто особо не обратил на меня внимание. По пути на постоялый двор я купил коня, ведь не мог же я взять с собой своего сереброкрылого Ильвара! Тогда бы во мне тут же опознали если не советника повелительницы

Ленос, то одного из варрад, а этого мне ох как не хотелось. Когда идёт война, никому нельзя доверять. Так вот, приобретя коня, я направился в кузницу, заметив, что конь плохо подкован. Мальчишка-подмастерье взял у меня повод, а я прошёл в дымное помещение кузни и приветствовал хозяина, хмурого человека, лет сорока, могучего, широкоплечего с тёмно-рыжими волосами до плеч и бородой, очень уж похожего на легендарного Тора, скандского бога громовержца, Тора, первого среди богов асов, старшего сына владыки мира Одина. На моё приветствие кузнец что-то неприязненно буркнул. Я подождал, а потом спросил:

— Послушай-ка, приятель, откуда ты родом? Уж не из Свеварике?

— Да, я свей из Далекарлии, зовут меня Торгрим!

Я улыбнулся и сказал на Далекарлийском наречии:

— Подходящее имя для человека с такой внешностью как у тебя. Ведь Торгрим и означает «Носящий личину Тора».

Кузнечный молот выпал из рук хозяина, и свей едва успел отскочить, чтобы рабочий инструмент не раздробил ему ногу. Он изумлённо воззрился на меня. Блики, отбрасываемые горном, играли на его лице, выхватывая его из тени. И я разглядел, что всё оно было покрыто шрамами, куда более страшными, чем ожоги от сыплющихся искр.

Я стоял, опираясь на свой гилвурн, как я уже говорил, в сложенном состоянии совершенно не отличимый от обыкновенного посоха. Мой чёрный отполированный посох с посе-

ребрёнными рунами и ручкой в виде орлиной головы ничуть не отличался от большинства магических посохов, так что я мог сойти за мага, но Торгрим, так не считал.

Несколько минут длилось молчание, потом кузнец воскликнул:

— Варрад!

Я инстинктивно выставил перед собой гилвурн, но кузнец тут же успокоил меня:

— Я друг варрад. Я всегда уважал вас, куда больше, чем всех остальных людей, включая и своего конунга.

— Давай поговорим. У меня среди людей нет друзей, и твоя помощь мне была бы как раз кстати. Давай присядем. Мой конь подождёт, а тебе, как я вижу, нужен отдых.

Я умышленно говорил на наречии свеев, ибо видел, что Торгрим остро нуждался во мне. Я был тем, кто хотя бы немного связывал его с далёкой родиной. В глазах кузнеца стояли слёзы. И я дал себе слово, что с ним я буду говорить только на его родном языке. А про отдых я упомянул не зря. Торгриму он бы не помешал, с него и впрямь ручьями лил пот, оставляя на обнажённом по пояс торсе, руках и лице тёмные полосы, а волосы давно уже слиплись от пота. Кузнец благодарно взглянул на меня и вытер руки о кожаный фартук, прожжённый во многих местах, а затем, подойдя к бадье с водой, окунул в неё руки по самые плечи и омыл лицо, и торс. Надев свежую рубаху, он повёл меня в дом, стоявший почти в притык к кузне. Там за кружкой пива мы и

разговорились.

Маленькая заброшенная деревенька в лесах Свеарике. Двенадцатилетний подросток помогает отцу раздувать тяжёлые мехи, потом бежит к реке за водой, чтобы остудить заготовки, его мать, полная дородная, похожая на кнарр, как говорили, женщина, воспитывает двумя подзатыльниками двоих младших сестрёнок парнишки. Младший брат вертится тут же под ногами, мать берёт его за ухо и строго отчитывает. От ворот бежит одна из младших сестрёнок с криком: «Отец, матушка, гости приехали! И кони какие страшные, чёрные все!»

Деревню не узнать: дым, гарь, копоть, люди мечутся под копытами огромных чёрных коней. А впереди всех воин в чёрном плаще, без доспехов, они ему не нужны, ни стрелы, ни копья, ни мечи не могут причинить ему вреда, потому что он... предводитель проклятых, Мартин Даллен, самый страшный среди смертных, встреча с ним обычно была последним в жизни любого, а те, кому удавалось избежать смерти от его руки, на всю жизнь запоминали взгляд его ярко-зелёных волчьих глаз, в которых было столько зла и ненависти, что они казались чёрными..

Видимо, я говорил вслух, потому что Торгрим потрясённо прошептал:

— Кто ты? — прошептал кузнец. — Ты не простой варрад. Я знаю, что варрад мудры и живут долго, но ты...

Я откинул капюшон, и молочно-белые волосы рассыпались по плечам. Серебряный обруч засиял на них, словно царский венец, рубин сверкнул ярким пламенем.

— Советник повелителя! — восхищённо прошептал кузнец и тут же, вскочив, низко поклонился.

— Я Вэрд, доверенный советник повелительницы Ленос, — сказал я, — Но прошу тебя, не надо обращаться со мной как с нездешним созданием. Я такой же человек, как и ты, разве что немного постарше и мудрее. Так что садись и давай продолжим нашу беседу.

— Вэрднур ар Даон Виррд'лау, простите, что сразу не узнал вас! — униженно кланялся кузнец, не слушая меня, откуда он узнал моё полное имя осталось загадкой, я не думал, что кто-то из людей мог знать полные имена светловолосых варрад.

— О вас столько всего рассказывают, — продолжал кузнец, но я перебил его:

— Садись и объясни по порядку, что обо мне болтают здесь, среди людей, и будь добр, доскажи свою историю.

Он, наконец, внял моим просьбам и опустившись на стул, сказал:

— О вас рассказывают, что вы самый мудрейший среди варрад, и даже сама повелительница Ленос обязана вам своим могуществом. Ведь благодаря вашим советам она ещё может...

— Я прошу тебя, обращай ко мне на «ты», и, пожалуйста, называй меня Вэрдом. Я что-то сомневаюсь, что моя повелительница так уж ценит меня. У неё есть ещё один советник, который всегда неплохо пользовался моими частыми отлучками для свершения своих чёрных делишек. Ты, наверное, слышал о братоубийственной войне в Ленос, утихнувшей лет пять тому назад?

— Ну как же, слышал. Во всех трактирах тогда только и делали, что судачили об этом.

Я кивнул.

— Расскажи, почему ты оказался так далеко от своей родины? — попросил я.

— Наша деревня находилась в густых лесах. Когда мы услышали о набеге данов, мой отец находился в кузне... Все мужчины стали вооружаться, а нас, детей, матери поспешили спрятать. Но я не спрятался. Я затаился за стеной кузни, и видел, как даны бросали смоленые факелы на крыши домов, как закалывали людей длинными копьями... и смеялись...

— когда догорали последние дома, даны, — Торгрим искренно полагал, что на его деревню напали даны, не стоило его разубеждать, пока не стоило

— ...Взялись за нас. Я не мог понять, почему они остави-

ли семью моего отца на конец, пока... их предводитель был страшен.

— Забрало шлема было опущено, и я не видел его лица, но запомнил взгляд: взгляд самой владычицы Хель, повелительницы мёртвых. Ни у кого из людей я не видел такого взгляда: беспредельная жестокость, безграничная ненависть были в этих страшных чёрных глазах, чёрных, как сам подземный мрак. Я... я никогда не забуду, как он, глядя мне в глаза, хватал моих маленьких братишек и сестрёнок и разбивал им головы одним ударом кулака, и ещё живых бросал в огонь. Я рыдал, но от страха не мог шевельнуться. Мой отец не мог ничего сделать, предводитель данов был неуязвим. А потом он схватил мою мать и... она кричала, вырывалась, а отец бросился ему в ноги, умоляя отпустить его жену, но предводитель не слушал...

Да, слишком повезло Торгриму, ведь не данами были те напавшие, а Проклятыми, а их предводитель... но, никому ещё не удавалось остаться в живых после встречи с этим человеком, но Торгриму лучше не знать об этом, не стоит пугать его, а, впрочем, чтобы это изменило? Ведь его семью всё равно не вернёшь. А Торgrim тем временем продолжал:

— Я не мог смотреть и убежал, спрятался в погребе, куда уже успели спрятаться один из моих братишек и мой закадычный приятель, Ракни, младше меня на две зимы. Когда всё было кончено, мы выбрались из погреба и бросились в лес. Так мы жили до зимы, питаюсь ягодами и кореньями, ло-

взя рыбу и разоряя птичьи гнёзда и пчелиные соты, а потом... — он горестно замолчал, — в лютую морозную ночь погиб мой братишка, и мы остались вдвоём. На наше счастье мы встретили викинга, охотившегося в этих местах. Он пожалел нас и взял с собой. Мы поступили на службу к двум знатым хёвдингам Алдригу и Хаугу, они были братьями. Наши боевые дракары вышли в море под полосатыми парусами. Я помню, как горделиво реяли стяги хёвдингов и как возносил свою голову резной дракон на носу. Нас разделили. Я плыл с Алдригом хёвдингом, а Ракни с Хаугом, ибо не гоже родичам плыть на одном корабле. Я был полон решимости отомстить данам за лютый разор, учинённый ими в моём краю. И случай не заставил себя долго ждать. Я заслужил право носить меч, ведь мне уже исполнилось пятнадцать зим. В первом же бою с данами на морских просторах мы одержали победу, но какой ценой!

Он прикрыл глаза, и я понял, даже не читая его мысли, что он, должно быть, видел, а он продолжал:

— Погиб Алдриг хёвдинг. До сих пор не могу забыть его лицо, застывшую маску гнева, когда он молча, не выпуская из руки меча, всем телом нанизался сразу на два наконечника копья. Ещё после этого он продолжал сражаться, хотя в него было выпущено около двадцати стрел, и ни одна не прошла мимо. В те минуты он напоминал мне берсерка, но он не бесновался, не рычал, а сражался молча, сжав зубы. Ни разу после я не видел подобных ему! Умирая, он про-

шептал, обращаясь ко мне: «Торгрим, мальчик мой, если когда-нибудь увидишь ты мою жену, Хильдибору, скажи ей, что я отомстил за нашего сына и умер с её именем на устах. Прощай!...» он посмотрел на меня таким печальным пронизывающим взглядом, что я только в тот миг понял, что он уходит, уходит человек, который заменил мне отца. Тогда я впервые заплакал, впервые осознал тяжесть утраты, раньше, будучи ребёнком я не понимал всего того ужаса, что видел вокруг, я осознавал только, что должен отомстить, а теперь я понял... и это знание принесло мне ещё большие беды, ибо я знал теперь за что сражаюсь и понимал, что вряд ли смогу победить, ведь сотни таких же как и я, безбородых юнцов погибали неотомщённые и не отомстившие, сотни рабов изнывали в кандалах в заморских странах, куда были проданы данами или другими разбойниками.

Мы достигли берегов Норэгр. Наш конунг был тогда в дружбе с их конунгами. Вместе мы и отправились в заморские земли, туда, где уже всю кипела война. Тут-то я впервые и увидел настоящих берсерков, этих диких свирепых воинов в волчьих и медвежьих шкурах вместо кольчуг, впивающихся в горло словно звери и разрывающих людей голыми руками. Я видел их глаза, глаза полные гнева, глаза, в которых безграничная ярость смешивается с безумием обречённого и с хищным торжеством победителя, слышал звериное рычание сотен глоток, принимал участие в диких плясках с обнажёнными мечами и зажжёнными смоляными факелами.

Десять зим бороздили мы просторы северных морей, жестоко расправляясь с теми, кто не принимал нас, ибо на родных берегах Хауг хёвдинг и мы, его люди, были объявлены нидингами, людьми, вне закона, ибо мстителей среди нас было слишком много, и наши конунги посчитали благоразумным запретить нам возвращаться на родину. Мы принимали к себе всех, пожелавших бороздить морские просторы вместе с нами: и Эринов, и пиктов, галлов и даже данов, что меня выводило из себя, но Хауг хёвдинг запретил нам нарушать мир, ибо основное правило викинга, человека, для которого жизнь — походы, а дом — ладья, — никогда не нарушать мир на корабле. Нарушивший этот закон карался смертью. Однажды на германских берегах разыгралось кровавое сражение, которое я запомнил на всю жизнь. Мне тогда уже было двадцать пять зим, а Ракни, почти двадцать три. Мы были теперь опытными воинами, отлично знающими своё искусство, искусство убивать! Мне нравилась привольная жизнь викинга, молот Тора, вытканый на нашем стяге, напоминал мне кузнечный молот моего отца, а разящее без промаха копье Одина говорило о мести, которой я ещё не вполне наслаждался. Жажда крови переполняла меня, я чувствовал, что и сам стал наполовину берсерком. Но не суждено нам было победить в этой битве. Нас с Ракни схватили и связав, куда-то потащили. Меня то ли ударили по голове, то ли я сам шарахнулся о какой-то камень, но, когда я очнулся, мы были крепко-накрепко прикованы к железным кольцам в сырой

темнице. Боль в вывернутых руках терзала меня, но это было неважно. Важно то, что мы теперь пленники, а для викинга слово ««военнопленный» и «раб» одно и то же. И нет для нас ничего страшнее неволи. Мы можем сражаться, невзирая на боль и усталость, мы безропотно принимаем мучительную смерть на глазах наших братьев по оружию, мы смеёмся в лица наших врагов, когда у нас вырывают сердце и лёгкие, когда выламывают пальцы и дробят кости, смеёмся, ибо знаем, за нас отомстят. Но быть прикованным цепями, словно раб, нет!.. уж лучше мучения на поле боя перед лицом своих врагов и тех, кто отомстит за тебя, чем унижительное безмолвие и мрак сырых подземелий. И цепи! О, как я ненавижу эти цепи! Какой позор! Я, викинг, пленник, хуже собаки! Но недолго я так убивался. К нам ввалилось с десятка два воинов, двое из которых схватили Ракни и, разомкнув его кандалы, бросили его лицом на пол. Они что-то кричали, один из них переводил. Они хотели, чтобы Ракни выдал Хауга хёвдинга, который отныне вёл нас, нидингов, и доблестно сражался, заслужив почёт и уважение даже берсерков, уважение которых нелегко заслужить. Но Ракни только смеялся, говоря, что сам не ведает, где сейчас хёвдинг, а если и есть то, о чём он знает, то скажет это лишь самому Одину в чертогах Вальхаллы, хотя прекрасно понимал, что не видать ему сверкающей Вальхаллы, ибо не найти приюта в небесных чертогах презренным рабам. А может он всё же надеялся заслужить прощение Одина. Тогда они взялись за меня.

От меня требовалось предать своего друга, рассказав правду о Хауге хёвдинге и о его людях, но я молчал. Ни смеяться, ни плакать я уже не мог, слишком ослабел я от полученных в бою ран и от цепей и кандалов, больно сдавивших моё тело, мешающих думать.

«Ну, сейчас, вы оба у нас заговорите!» — пообещал переводивший нам.

И они стали избивать Ракни, а меня снова приковали к стене, чтобы я не мог шевелиться. Я закрыл глаза, но один из них, насильно раскрыв их, вставил мне в глаза острые железные крючья, которые разрывали веки, когда я пытался прикрыть их, отвернуться я тоже не мог, слишком крепко был прикован к стене. Мне ничего не оставалось, как стоять и смотреть, как... Нет, я не могу об этом говорить! Мучения, которым подвергали моего товарища, осыпая его насмешками, не могли сравниться ни с чем виденным мною раньше. А я ничего не мог сделать. Я был беспомощен, словно младенец. О, как я презирал себя за свою слабость, за то, что не могу вырваться из цепей, не могу разорвать палачей единственного близкого мне человека. А Ракни смеялся им в лицо, смеялся и насмеялся над ними. Я до сих пор не понимаю, как мог Ракни смеяться, осыпая своих мучителей насмешками. На это способен только истинный викинг, истинный сын Одина! После того как... сердце его перестало биться, они взялись за меня.

«Вы хотите, чтобы я предал друга?! Сын Одина будет го-

ворить только со своим повелителем!

Больше я ничего не помню. Последним видением было бурное море, омывающее мои раны. Я открыл глаза и понял, что меня облили водой. А потом нескончаемые дни сплошной боли и беспамятства. Когда я очнулся вновь и осознал, что нахожусь на морском берегу, я не мог пошевелиться, чтобы боль не возобновлялась с ужасающей силой. Ты видел, у меня остались до сих пор следы на теле.

Он встал и подошёл к разгоревшемуся очагу. А когда он снял рубаху, я увидел чудовищные полосы, видимо, от ременной плети и множество шрамов, оставленных, по всей вероятности пыточными крючьями. На теле не было живого места. Странно, как я раньше не заметил их, видимо, потому, что кузнеца отгораживала от меня наковальня и стол с инструментами, а пламя горна было обманчиво. Теперь я как замороженный глядел на эти страшные следы прежних мучений.

— Прости, Торgrim, что заставил тебя вспоминать всё это, — медленно проговорил я, — Если бы я знал раньше...

— Ты должен услышать об этом. Ведь нам предстоит ещё немало... — он осёкся, заметив мой взгляд и смущённо поправился:

— Прости, ты же, наверное, испытал на своём веку куда больше страданий, чем я!

— Да, ты прав. Тебе примерно пятьдесят лет?

— Пятьдесят две зимы в этом году исполнилось.

— А я насколько выгляжу?

Он замялся, потом смущённо ответил:

— На тридцать пять, сорок зим.

— Мне шестьсот семьдесят зим.

Больше кузнец ничего не спросил и даже, казалось, не удивился, а лишь надел рубаху и вернувшись к столу, продолжил свой рассказ:

— Мои мучители, видимо, решили, что я помер, раз выбросили меня, словно падаль. Когда я смог подняться на четвереньки, я отполз за ближайший валун, где и укрылся от брызг и ледяного ветра. Солёная вода причиняла мне выносимые страдания, если что-то ещё могло мне приносить страдания. Там меня и нашла прекрасная Адалинда, дочь одного знатного херсира, или как называли его в той земле, рыцаря. Она позвала на помощь парней, и они перенесли меня в дом её отца. Он принял меня за одного из своих воинов, замученных до полусмерти кровожадными жестокими викингами, а я не стал его разубеждать, у меня на это не было сил. Когда я поправился и окреп настолько, что снова мог разговаривать и даже ходить, рыцарь милостиво разрешил мне остаться в его доме до полного выздоровления. Но когда я полностью выздоровел, то узнал, что я стал рабом, вернее, как выразился мой спаситель, человеком, обязанным трудиться на благо его семьи в благодарность за своё спасение и избавление от смерти. Так я поселился в его доме и вынужден был прислуживать за столом, бегать с поручениями

и так далее. Через пять лет мой господин отпустил меня на волю, и вот тогда я смог бы жениться на его красавице дочери Адалинда была несколькими годами младше меня, и мы оба полюбили друг друга. Но она верила в Белого бога, и не за что не хотела связывать свою жизнь с таким закоренелым язычником, как я. А потом её выдали замуж за какого-то чужеземного воина из далёких южных земель, её единове́рца.

Он замолчал, а потом вдруг со страшной силой ударил кулаком по столу, да так, что блюда и стаканы с вином подпрыгнули, и вино выплеснулось на скатерть!

— Никогда, ни-ког-да! — взревел он, — никогда верования не должны разделять людей! — и немного успокоившись, добавил: — я нагляделся на это на родине в Свеарике и на берегах Норэгр, где брат поднимал меч на брата, сын на отца, муж бил жену за то, что в их умы уже проник яд сладкозвучных речей проповедников новой веры. Свейские и норвежские правители огнём и мечом старались принудить народ отказаться от богов наших предков, от всего того, чему нас учили с детства. В море мы встречали корабли эринов, которые целыми семьями бежали от новых порядков, устанавливаемых служителями Белого бога на их родине. Клянусь Тором, — при этих словах, — он коснулся деревянного изображения молоточка у себя на шее, — что когда-нибудь отомщу этим проповедникам за то, что разбивали наши семьи.

Но я остановил его.

— Ты уже пытался мстить, и что из этого вышло? Разве стал ты от этого счастливее?

Торгрим задумался.

— Я не жалею о тех годах, которые я провёл в ненависти, ведь именно тогда я встретил настоящих друзей, впервые полюбил. Именно в те годы юношества на борту боевого дракара я понял, что такое настоящая жизнь, настоящая свобода, настоящая дружба...

Мы помолчали, а потом Торгрим продолжил:

— Адалинда уехала за море, и я о ней больше не слышал. Теперь я был волен идти куда захочу, и я ушёл. И вот уже более двадцати зим я живу в этой, самолично построенном мною доме и тружусь в собственной кузне. Ни разу за все эти годы я не видел ни одного из своих соплеменников или, по крайней мере, других жителей полуночных стран. Но я привык, моё житьё мне стало даже нравиться. Вот только как не уговаривали меня ни новые друзья-приятели жениться, я отказывался. В душе я был и останусь воином, непокорным, несломленным, а таким дикарям как я, не подобает иметь жён, — он улыбнулся чуть грустной улыбкой. И откинулся на спинку зловеще заскрипевшего стула, давая понять, что рассказ окончен.

— Ну, теперь моя очередь!..

Я рассказал ему несколько историй из своего воинского прошлого, после чего он взирал на меня со священным трепетом, как на самого Одина, навестившего его в одном из

своих земных обличий.

— Вэрд, такое мог пережить только варрад или эльф!

— Вы, жители острова Скандия и все северные и западные народы, наделённые магическим даром, всегда уважали нас и сотрудничали.

— Но ведь варрад потомки великих властителей Западных земель! — восхищённо подтвердил Торgrim.

— А я слышал, что наши великие западные предки были и великими морскими разбойниками, да и мы сами кроваво-жадные убийцы, об этом ты не слышал? Не боишься, что я во сне задушу тебя?

Кузнец засмеялся.

— О нас, жителей Скандии, тоже рассказывают небылицы. Мы и захватчики, и жестокие морские разбойники, приплывшие с севера, и волки, принимающие человеческий облик, мерзкие варвары, приносящие своим богам человеческие жертвы, хотя сканды никогда не приносили человеческих жертв, разве что в седой древности, а наши берсерки в волчьих шкурах благороднее многих воителей юга, и я верю, что хотя наша вера медленно погибает, память о ней останется в сердцах людей, а саги и песни, сложенные нашими скальдами будут звучать в устах сказителей и менестрелей и спустя много зим после того, как мы уйдём в чертоги Одина. У нас ещё будут учиться строить и смолить корабли, нам будут подражать мореходы всех стран, нас будут ставить в пример юным воинам, наши потомки будут гордиться сла-

вой своих отцов и дедов, той славой, которую сейчас так безжалостно попирают. Да, я был нидингом, человеком вне закона, но не жалею об этом. Быть викингом, человеком моря, выросшим на корабле и закалённым в боях, как и быть берсерком, воином Одина, значит покрыть себя неувядающей славой ещё при жизни. Викингов почитали и боялись, а нидингов, ставших викингами по принуждению, проклинали и клеймили позором, не задумываясь над тем, почему им пришлось стать такими. Викинги ходят в торговые походы на крепких кнаррах, открывают новые земли, а нидинги бороздят воды на боевых дракарах под малиновым квадратным парусом, грабя и убивая всех и на море, и на суше. Быть викингом — почёт и слава, а нидингом — стыд и позор! А разве у нас не отняли родину, не сожгли дома, не разорили наши земли, не изгнали нас из рода, лишив нас самого дорогого, не обрекли на вечные бесприютные скитания по чужим морям и землям? — он умолк, а потом вдохновенно процитировал известного скальда Магни Хальвданссона,

— Не испытавший ни страха, ни боли,
Ни отчаянья острых клыков,
Не поймёт, что значит слово «неволя»,
Каково ощущать тяжесть стылых оков.
Не поймёт и скитальцев бездомных,
Словно листья гонимых по воле судьбы,
И метанья души не поймёт непокорной,
Не услышит и зова далёкой трубы.

Раз испытай, что другим приходилось,
Муки от ран на холодной земле,
Горечь потерь, когда сердце не билось,
Может, поймёшь, что такое есть жизнь.

Я с удивлением взглянул на друга, да, да, Торgrim стал моим другом. Мне было с ним как-то хорошо, гораздо спокойнее и надёжнее.

Мы ещё немного побеседовали, но заметив, что у кузнеца начинают слипаться глаза, я простился, клятвенно заверив его, что вернусь к утру и в залог оставив свой плащ и куртку, не подумав о том, что выпитое хмельное скоро перестанет меня согревать, а на улице уже наступила осень, хоть и ранняя, но не слишком располагающая к прогулке в тонкой шерстяной накидке поверх белоснежных шёлковых одежд советника, я вышел в ночь. Спать мне не хотелось, и я побрёл по направлению к виднеющемуся вдали лесу. Думалось мне превосходно.

Странно, почему кузнец назвал мне своё имя, ведь настоящее, подлинное имя человека не должен знать никто, кроме него самого или самых близких. Даже друзья стараются обращаться друг к другу не по имени, а либо по его краткому аналогу, что вполне объяснимо, потому что настоящие имена порой оказываются чересчур трудны даже для самих носителей, или по данному в детстве или приобретённому с годами прозвищу. Я тоже про себя давал людям подобные прозвища, но вслух предпочитал обращаться по имени, ибо

считал, что никому ещё не вредило услышать собственное имя из дружеских уст. У всего в этом мире есть имя, Подлинное и приобретённое. У людей, например, это прозвища, или имена, данные при рождении. Если подлинное имя было дано человеку при рождении, оно чаще всего заменяется прозвищем, ибо произнесённое вслух несёт в себе жизненную силу, сравнимую с магической, а произнесённое врагом, становится страшным оружием, ибо тогда человек попадает в полную зависимость от произнесшего его подлинное имя. Люди и прочие расы, за исключением эльфов и варрад, до жути боятся говорить свои подлинные имена, особенно, маги люди, ибо они находятся в куда большей опасности, чем простые смертные, так что я немало удивился, когда кузнец назвал себя, ибо понял, что его имя действительно подлинное. Либо свей просто не знал, что вряд ли, либо сразу распознал во мне друга.

Старые верования, верования в множественные пантеоны богов, медленно, но неуклонно уступала место новой, вере в единого бога, чьи последователи учили добру и состраданию, но почему-то вновь обращённые правители предпочитали обращать в новую веру свои народы безотказными методами, то есть огнём и мечом. Обвиняя нас, язычников, как они называли, в жестокости и распутстве, они не замечали того, что их собственные воины в походах «за веру» оставляли после себя толпы вдов и сирот, обесчещенных жён и дев, разор и пепелища. Красивых женщин они сжигали за-

живо, якобы по обвинению в колдовстве, так что вскоре в их странах не останется не одной красивой женщины, если уже не осталось. А свои грехи они предпочитали не отмаливать у своего бога, а покупать прощение за золото. Подобные бумаги с отпущением грехов, индульгенции продавались повсюду в человеческих городах. Мы, варвары и язычники, всегда с почтением относились к чужим верованиям.

Я бы принял верования людей, поклоняющихся Белому Богу, если бы не их двуличность, как же удобно развязывать захватнические войны под прикрытием миссионерских походов или как они там это называют, как же выгодно кричать на всех углах о своей терпимости к любым верованиям, приманивая на свою сторону как можно больше сторонников, а на самом деле жестоко истребляя иноверцев. Я много странствовал и повидал немало этих миссионеров.

За свою долгую жизнь я понял одну простую истину: никакое убийство не может быть оправдано, во имя чего бы оно ни совершалось.

Много лет мы боремся со жрецами Белого бога, и всё напрасно. Адаон всегда говорил...

Вспомнив о друге, наверное, единственном, среди людей, я вздохнул.

Ах, Адаон, Адаон, сын верховного друида и барда острова Могущества, самого Талиесина и дочери Роанов, морского племени людей-тюленей, Адаон, высокий черноволосый бритт с ясными серыми глазами, скромный юноша, сколько

же тебе было, когда ты погиб? Двадцать? Двадцать пять?..
Я вспомнил о том, как я видел его в последний раз.

Мы мчимся на взмыленных конях, преследуемые вражескими всадниками, среди которых есть и инфери: бледные неподвижные лица, белёсые глаза горят жаждой убийства.

Не помню. Как мы оторвались. Но вот в подлеске Адаон вдруг остановил своего коня и спешился.

На земле лежал человек, инфери. У него были переломаны обе ноги. Никогда не забуду взгляд мёртвых неподвижных глаз, который без слов молил нас о пощаде.

И Адаон взял его с собой. Он дал инфери имя — Горхир, выходил его и сделал своим оруженосцем. Но я-то знал, что Адаон видел в Горхире не слугу, а друга. Он научил Горхира говорить и даже обучил игре на арфе.

Вскоре я покинул Остров Могущества, и больше нам не суждено было свидеться с Адаоном в этом мире.

Так, вспоминая своего друга, шагая по направлению к лесу, который, не увидел бы человек, потому что осенние ночи в этих краях слишком темны, а луна, похоже, попрощалась с ними, по крайней мере, месяц назад. Разгорячённый быстрой ходьбой и своими невесёлыми думами я не чувствовал осеннего холода, хотя и был без куртки и плаща, благополучно оставленных мною в доме гостеприимного кузнеца.

Прошло время и юную Элладонну сосватали за сына богатого морского торговца. Поговаривали, что молодой Гир был одним из Властителей Запада

И верно, в глазах молодого Гира Торнфильда сверкал нездешний огонь, говорили, что это был свет великой звезды запада Аландиль, восьмой звезды, венчающей звёздный венец из семи великих звёзд королей. Как бы там не было молодых сговорили. Свадебный обряд решено было не проводить, ибо у юной Элладонны, какой позор, недавно родился сын, странно похожий на пришельца с севера. Мать дала мальчику имя, которым называла его только она, ибо догадалась, кем был тот незнакомец с севера, закутанный в аквамаринный плащ и с волосами, белее морской пены.

По обычаи своей земли, Гир, никак не называл мальчика до двенадцати лет, до тех пор, пока не ввёл его в род. Тогда он дал ему имя, Хулдред, что на языке его родины, лежащей за окраинным западным морем, значило «Пламя битвы». Он надеялся, что приёмный сын вырастит воином.

Элладонна долго плакала, не люб был ей статный Гир, глядя на красавца сына вспоминала она единственный взгляд, брошенный на неё незнакомцем. Мальчик рос и с каждым днём становился всё красивее и мудрее. В тринадцать лет он отправился на обучение в Кадорн, великую северную империю. Он должен был поступить в школу магов на факультет магов-целителей кафедру хранителей знаний.

Утром я разбудил бывшего викинга, тот пару минут глядел на меня, не понимая, а потом воскликнул:

— Вэрд, значит ты мне вчера не привиделся?

— Давай вставай! В дорогу пора! Завтрак я уже приготовил, и он, кстати, успел остыть и, кажется, замёрзнуть. Я уже позавтракал. Ешь и собирайся! Я подожду тебя на туне.

Я вышел. Ещё ночью я выковал себе щит с объединённым гербом рода Виррд'ар и острова Ленос— орёл распростёр свои крылья над белопарусным кораблём на синем фоне. Ни шлемов, ни кольчуг варрад никогда не носили, потому что ни человек, ни эльф, ни гном, не говоря уже о троллях и гоблинах, не могли превзойти нас в быстроте и ловкости.

Вскоре в дверях показался Торгрим, опоясанный мечом, в серебристой до —блеска начищенной кольчуге, поверх которой был надет кожаный нагрудник с металлическими пластинами, а поверх всей этой воинской амуниции плащ из волчьих шкур — обязательный атрибут берсерка. Из-под лёгкого крылатого Шлема выбивались огненно-рыжие пряди. На руках были железные боевые рукавицы, а на запястьях стальные наручья. Лёгкий деревянный щит, обтянутый воловьей кожей с окованными краями Торгрим повесил за спину, несколько метательных ножей были заткнуты за широкий кожаный пояс.

— Так ты же берсерк, зачем тебе всё это добро? — я кивнул на боевой наряд моего друга. Тот заметно смутился, но ответил:

— Я берсерк. Но слишком давно я не слышал зова предков, и боюсь, что утратил благоволение богов.

— Но выглядишь ты прекрасно в таком наряде! -поспешил я похвалить приунывшего было берсерка.

Мы оседлали своих коней, Торgrim запер дом, и мы тронулись в путь. Стояло свежее осеннее утро. Лёгкий туман оседал на лицах и руках освежающей влагой. Осеннее солнце не показывалось из-за плотной однородной серой массы, затянувшей небо. На редкость неприятное утро для путников, пустившихся в дальнюю дорогу и не знающих, где заночевать нынешней ночью, но только не для нас. Нас грело вновь обретенное, казалось, давно забытое чувство, чувство сплочённости и защищённости. Каждый обрёл в другом часть себя: я нашёл в Торгриме доброго советчика и верного друга, он — родственную душу. Мы медленно ехали бок о бок, смеясь и болтая по широкой мощёной дороге, видимо, какому-то торговому тракту. К полудню выглянуло солнце, и мы решили сделать привал. Съехав с тропы, мы въехали в прохладу леса. Пришлось спешиться, ибо деревья стояли плотной стеной, и коням нелегко было продираться среди ветвей с всадниками на спинах. Вскоре мы вышли на большую поляну, практически идеальной круглой формы. Расседлав коней, мы развязали наши мешки и принялись за еду.

После чего, растянувшись на траве, долго смотрели на проплывающие в небе облака и обрывки туч. Торgrim, кажется, задремал. Когда солнце начало клониться к горизонту, я разбудил Торгрима и предложил:

— Не поразмяться ли нам? Вставай, викинг, буду учить тебя драться.

Торgrim мгновенно вскочил, схватил свой двуручник и хотел было взять щит, но я усмехнулся:

— До первого касания, будем биться без щитов, так сложнее.

Мгновенно приняв боевую позицию, мы пригляделись к противнику. Оба могучие широкоплечие, рыжебородый великан с тяжёлым двуручником наизготовку, сверкающий льдисто-синими глазами из-под косматых бровей и худощавый жилистый сребровласый воин с холодным чуть насмешливым взглядом ярко-смарагдовых глаз без кольчуги, небрежно сложивший руки на посеребрённом навершии безобидной на вид трости — смертоносном оружии. Ещё накануне я продемонстрировал все возможности гильгурна Торгриму, и тот, увидев, как неуловимо быстро раскрываются веером три обоюдоострых лезвия, как стремительно перехватывает гильгурн вторая рука, как молниеносно, словно мысль, порхает в моих руках смертоносное оружие — он был поражён до глубины души. Но теперь нам предстояло сразиться на мечах. Он, наверняка, думал, что с лёгкостью меня одолеет. Чудовищная наивность, ведь у всех варрад, с мо-

лочно-белыми волосами, прямых потомков Белых Стражей, воинское искусство в крови, и нас с измальства учили владеть всеми видами оружия. Я предоставил право первого выпада своему противнику. Торгрим не замедлил им воспользоваться. Но двуручник рассёк воздух, потому что я давно уже преспокойно стоял в стороне. Я метнулся к кузнецу и занёс над головой сухо щёлкнув раскрывшимися лезвиями гилвурн, но тот в последний момент увернулся, и не успел я оглянуться, как в меня полетел невесть откуда взявшийся боевой топор на длинной рукояти, хорошо, что не кузнечный молот. Но моя рука оказалась быстрее, топор, перехваченный в воздухе железной хваткой опытного в боях варрада, слабо завибрировал и полетел в кусты. Но вот мы уже кружимся по поляне, не переступая, впрочем, воображаемой линии, очерченной нами по молчаливому согласию. Примерно через час в ход пошли метательные ножи, но не один не достиг цели. Я сражался молча, сосредоточенно, а мой противник менялся на глазах. В его льдисто-синих глазах загорелся огонёк, не предвещавший мне ничего хорошего, вскоре огонёк уже пылал ярким пламенем, я знаю этот характерный взгляд берсерка, взгляд неконтролируемой ярости, направленной на то, чтобы убивать! Вскоре глаза Торгрима подёрнулись белёсой пеленой, которая всё мутилась. Да, кажется, пришло время заканчивать наш поединок, пока Торгрим не натворил бед. Теперь я убедился, что его рассказ чистейшая правда, он, правду, был берсерком.

— Торгрим, опомнись! — крикнул я, но было уже поздно.

Торгрим отбросил в сторону двуручник и набросился на меня так быстро, что я не успел уклониться. Руки берсерка сдавили моё горло. Я никогда не боялся этих свирепых воинов, но теперь мне стало по-настоящему страшно: задушить насмерть он меня не сможет, это не удавалось ещё никому, а вот покалечить сможет и довольно серьёзно. Но больше я испугался за него самого, ведь мало ли что может прийти ему в голову, когда он поймёт, что со мной ему не справиться. Вдруг он попытается вырывать с корнями деревья и неминуемо расшибёт себе голову о первую же столетнюю сосну. Я перехватил его запястья и сдавил. Берсерк застонал и ослабил хватку, но тут тонкий свист прорезал тишину, и эльфийская стрела вонзилась в плечо Торгрима. Тут же раздался крик: «Прекратите, безумцы! Что же вы делаете!» и на поляну выскочил высокий эльф в серебристой лёгкой кольчужке с луком наизготовку. Я спихнул с себя кузнеца и вскочил: — Лаурендиль! — бросился я обнимать эльфа, — Как ты здесь очутился?

— Потом, потом, Вэрд, надо разобраться с нашим общим знакомцем. Эй, Торгрим, очнись!

— Ты его знаешь?

— Да, частенько заказывал у него оружие для королевских мечников. Честно говоря, я впервые вижу его в таком состоянии, — шёпотом добавил эльф.

Торгрим между тем поднялся, вырвал из плеча стрелу, и,

переломив её пополам, отбросил в сторону, затем повернулся к нам. Ярость улеглась, в горле больше не клокотал сдерживаемый рык, а глаза снова приобрели свой нормальный окрас.

— Извини, — задыхаясь, пробормотал он, подходя ко мне и кладя руку на плечо, — я тебя не покалечил?

— Не успел, — усмехнулся эльф.

— Привет, Лаурендиль! Как ты вовремя! Иначе я...

— Ладно, не будем об этом. Расскажи нам, Лаурендиль, какие дела привели тебя в этот час на эту уединённую поляну.

— Ну, во-первых, я уже давно заметил тебя, о великий из великих, — шутовски поклонился мне эльф, — с полмили я гнался за тобой, но ты даже обычным шагом умудряешься идти быстрее, чем скачут самые быстрые эльфийские кони. Я немало поразился, увидев тебя в простом плаще странника да к тому же пешком, поэтому и забеспокоился. Доверенные советники повелителей не разгуливают среди бела дня в дали от своей родины с опущенными на лица капюшонами, если только не хотят, чтобы их узнали, а если они не хотят, чтобы их узнали, значит, наступают тяжёлые времена.

— Тяжёлые времена не проходили уже лет пятьсот, шестьсот, ты сам это прекрасно знаешь, и вам, эльфам, тоже досталось и от орков, и от гоблинов, и ещё от каких-то там тварей. Не понимаю я, неужели невозможно жить мирно. Почему наши расы вечно враждуют и стараются захватить чужое?

— Это ты лучше у орков с гоблинами спроси, — улыбнулся эльф, — а ещё лучше у всяких там колдунов, что жаждут власти над всем миром. Вот они-то и насылали на нас орков с гоблинами, армии инфери и огров. Сами-то эти неотёсанные грубияны, могут только грабить то, что не успели разграбить другие да добывать раненных.

— Я ненавижу людей, ведь эта раса возомнила о себе невесть что, коли она многочисленна, значит и только она имеет право на существование, а ведь наши народы пришли в этот мир первыми, и именно нашим народам дана мудрость, которую люди растеряли давным-давно!

— Зло порождает зло, — тихо сказал эльф. — мститель ничем не лучше палача! — с необычной серьёзностью заметил Лаурендиль.

Мы помолчали, а потом я спросил, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно непринуждённое, на сердце было тяжело от сознания того, что злоба, гордыня и ненависть становятся обыденны, а благородство, любовь и сострадание скоро станут невозвратной мечтой.

— Как ты меня нашёл?

— Я же говорю, удивился эльф — увидел тебя, бредущим куда-то по пустынному юго-восточному тракту, увидел и порядком перепугался, и сразу же помчался за подмогой, правда, сейчас со мной всего двое, — он смутился, — объединённая армия эльфов и гномов идёт следом за нами.

Я присвистнул:

Но не успел я как следует удивиться, как Лаурендиль переливчато свистнул, что у лесных эльфов значило «Всё в порядке», и на поляну тут же с шумом выскочили двое: длиннобородый гном с боевым топором и высокий человек с мечом у пояса.

Эльф поочерёдно представил своих спутников:

— Геррет, военачальник всего объединённого войска гномов и Доррен, боевой маг из рода людского

Я ахнул и поклонился сразу обоим. Гномий военачальник, выпятив грудь, гордо вышел вперёд и приклонил колено:

— Мои воины рады служить тебе, повелитель!

Не успел я что-либо ответить, как маг-человек едва ли ни ниц пал у моих ног:

— Это великая честь для меня, повелитель, служить вам и вашему народу!

Затем произошло совсем уж неожиданное: Лаурендиль опустился на одно колено и произнёс:

— Я, Лаурендиль Лорентийский, военачальник объединённого войска эльфов и родич нашего славного короля Элдона, клянусь тебе, о повелитель, в верности и обещаю оказать посильную помощь!

— Встаньте! И объяснитесь, вам же ведомо, что я всего-навсего советник повелительницы острова Ленос. Так почему вы ведёте себя так, словно я верховный владыка всех народов и рас? Я, разумеется, знаю, что повелителями издревле считали всех светловолосых варрад, но для вас я

словно бы король?

— Так оно и есть, — спокойно подтвердил эльфийский вельможа и военачальник, — Ты — единственный светловолосый варрад среди всех нас, — и он провёл рукой широкую дугу, намекая, похоже, на все континентальные и островные государства, а также на бесчисленные свободные народности, жившие в лесах и на болотах. Мне ничего не оставалось, как горестно молчать, представляя, какой огромной армией мне придётся командовать. Этот факт меня обескуражил, а эльф, не дав мне опомниться, продолжал:

— Я собрал триста тысяч лучших воинов, Геррет заверил меня, что за ним прибудет около шестьсот тысяч.

Я вздохнул. Доррен почему-то побледнел и опустил голову.

— Люди-маги враждуют с варрад, — глухо начал он, — я всегда был на вашей стороне. И ковен тоже, но...

— Ты Отлучённый, — догадался я.

— Да, — ещё тише почти прошептал, чем проговорил в конец уничтоженный Доррен. — Я знаю, что не достоин находиться среди столь славных представителей...

— Не болтай ерунды! — не выдержал я, а Доррен лишь ещё ниже опустил голову.

Он был высок. Длинные прямые волосы спадали на плечи и были абсолютно седыми, белыми, как снег, хотя на молодом лице ещё не было ни одной морщины, а серо-зелёные глаза были острыми и пронизательными. О, эти глаза. ко-

гда он впервые взглянул мне в лицо, я поразился глубине и мудрости этих странных глаз, они ещё не утратили загнанного выражения, свойственного всем Отлучённым, но вместе с тем казались глубже и пронзительнее, нежели у других людей, которых я когда-либо встречал. В них словно бы сиял какой-то негасимый свет. У него была странная привычка, наклонять набок голову, словно задумываясь о чём-то. Благодаря этой привычке он казался мне каким-то мечтателем, может быть, певцом, бардом, а может быть даже филидом, певцом-провидцем, поэтом-магом, с такими-то глазами!.. голос его был сипл, словно ему пришлось долго кричать, и он сорвал его. На правой руке не было кольца, магического кольца силы, но это и понятно, ведь он был Отлучённым, Отверженным Белым советом, лишённым магической силы. Но зато на запястье правой руки я увидел браслет: тонкую серебряную нить с большими молочно-белыми камнями, Алмазами Запада, Камнями Верности, редчайшими камнями, символами верности и преданности. Реже, чем Алмазы Запада были, наверное, только Финиты, или Философские камни, дымчато-серые, вернее, серебристые, в чьих бесчисленных гранях солнечный свет преломляется всеми цветами радуги, да прозрачные, как слеза, Камни Бризенгамена, которые равно служат, как свету, так и тьме, в зависимости оттого, чем наполнить из прозрачную глубь этих магических кристаллов. Молочно-белые Алмазы Запада, добывались в потаённой долине, на дне зачарованного озера Тум-

лас в Западных горах, говорят, именно там находился потаённый город Гондолин, воспетый во многих легендах запада. Финиты и Камни Бризенгамена добывались всё в тех же Синих горах запада подземным народом карликов, в Кадорне их называли Красивым народом. Говорят, что и в подземных штольнях Красивого народа тоже находили эти прекрасные камни, а также множество других, прекраснейших, обладающих величайшей силой, но Красивый народ давным-давно закрыл врата своего подземного королевства для наземных жителей, дабы не смогли они более проникнуть в их тайны.

— Откуда у тебя этот браслет? — изумлённо спросил я.

— Это подарок! — кратко ответил он, — Память о дорогом друге!

Слишком дорогой подарок. Просто приятель не мог подарить такую вещь, как браслет из Камней Верности, потому что молочно-белые камни эти, их ещё называли Лунными, были зачарованы, дабы сохранять узы любви между дарителем и одаряемым. Такой дар мог преподнести только близкий друг, связанный с одаряемым Великой клятвой верности, родной брат или побратим.

Но как следует поразмыслить над таинственным даром мне не дали. Из задумчивости меня вывел эльф, подошедший с каким-то вопросом. Но вместо ответа, я накинулся на него с обвинениями:

— Так может ты мне объяснишь, что за балаган вы тут устроили? Почему я вдруг...

— Не понимаю, чем ты не доволен, — пожал плечами Лаурендиль, — нам всем нужен толковый опытный вождь, за которым пойдут безоговорочно все народы и расы, кстати, драконы тоже с нами. Также своё согласие содействовать нам дали русалки, дриады, наяды и прочие малые народности

— А также, бугул-ноз,, инфери и прочая нежить?

— Это не смешно, — серьёзно заметил эльф, — Если понадобится, мы призовём на помощь и бугул-ноз, инфери с друзьями...

— Только Другов-то нам и не хватало! — возмутился я.

— А чем они тебе не нравятся? — поинтересовался эльф, — те же берсерки только и всего!

— Только и всего! — взорвался я. —я, разумеется, хочу победы, но не ценой перегрызенных глоток и разорванных животов. Я никогда не призову...

— — Станут они спрашиваться! — усмехнулся Лаурендиль. — Кстати, люди лесов, тоже собирались прийти.

Я взвёл глаза к редющему лесному пологу.

— Такое ощущение, что мы собираемся драться с самим Чёрным духом?

— По поводу чёрного духа не знаю, а вот Орред уже проснулись в глубинах.

— Орред! — я всплеснул руками, — духи всепожирающего подземного огня, которые люди называют лавой, плазмой или чем там ещё. Так они же... они же...

— Да, они пробудились. Кто их пробудил неизвестно, по-

хоже, именно люди, пробивающие насквозь скалы, дабы сократить торговые пути, вгрызающиеся в земные недра в погоне за серебром и золотом. Наши братья, гномы, которым предписывают чрезмерную алчность и прочие грешки, уже давно смекнули, что с подземным огнём шутки плохи и не беспокоят его почём зря, а вот людям это только предстоит выяснить.

— Да уж, смекнули, — проворчал гном, — но какой ценой? В подземном огне должны были погибнуть почти все наши редкие камни, которые мы ценим больше всего на свете, ибо они продлевают гномам жизнь, а людей делают бессмертными, рецепты бесценных эликсиров, превращающих медь в золото и делающих любой самый обыкновенный камешек острее и твёрже алмаза. Утрачены бесценные знания, которые наши предки потом и кровью выбивали из несговорчивых гранитных скал и копили веками. И всё это утрачено, БЕЗВОЗВРАТНО утрачено! — гном схватился за голову и закатил глаза.

— Нам предстоят тяжёлые испытания! — подытожил я.

— Люди севера к твоим услугам, о повелитель! — опустился на одно колено Торgrim, уже управившийся с поиском оружия и теперь прислушивающийся к разговору. — У меня осталось множество друзей среди викингов и берсерков севера, и я сообщу им...

— Ага, а говорил, что ты одинок в этих землях, — перебил я со смехом, — ну и хитёр ты, берсерк!

— А как ты планируешь найти хотя бы одного из воинов-северян, — поинтересовался эльф, — ты же не сможешь передвигаться по лесным тропам незаметно. Насколько я тебя знаю, ты же всегда предпочитал морские просторы лесным чащобам. Не то, что твои предки в серых волчьих шкурах.

— А твоим предком, я вижу, был тот лесной эльф, заколовший свою неверную жену и проклявший сына, а вместе с ним и целый город! — не остался в долгу Торgrim.

Лаурендиль вместо ответа быстрее молнии выхватил из-под плаща тонкой работы кинжал и метнул им в кузнеца, но тот пригнулся, и кинжал, просвистев в воздухе, по рукоять вонзился в древесный ствол на том конце поляны. Гном ахнул:

— А если бы ты его задел, клинок смазан ядом, что издревле изготавливали гномы. Хватит малейшей царапины, чтобы любое живое существо, кроме гномов упало замертво.

— И кроме варрад, если яд недостаточно силён, — добавил я, а эльф рассмеялся:

— Я достаточно хорошо знаю нашего берсерка, чтобы предугадать его действия, а быстротой реакции он посоперничает даже с варрад.

Но гном, по-прежнему ворча, полез на могучий дуб, высвободить злосчастный клинок. С четвёртой попытки он выдернул кинжал из ствола и с восхищённым вздохом протянул эльфу.

— Ну ты и силён! Даже гному не под силу оказалось выдернуть его с первого раза, — эльф гордо улыбнулся и прерванный разговор возобновился.

— Я должен отправиться к своим братьям по оружию на север, — сказал Торгрим, метнув негодующий взгляд на эльфийского военачальника, тот лишь улыбнулся:

— Думаю, ты понадобишься повелителю, — и с этими словами он свистнул, вернее, этот свист услышали все, кроме людей и тут же на плечо эльфа опустился ястреб, а вокруг закружилось с десяток представителей пернатого мира. Эльф что-то прошебетал на птичьем языке, половину я так и не понял, слишком быстро он говорил, и птицы взмыли ввысь и, рассредоточившись, понеслись в разных направлениях.

— Они разнесут вести о грядущей битве и о вернувшемся повелителе по всем королевствам варрад и всем остальным расам, — удовлетворённо объявил Лаурендиль,

Настал мой черёд. Прочистив горло, я крикнул, вернее, завопил. Вопль этот напоминал вой волка, но в то же время был похож на человеческий. Он эхом прокатился в лесной чаще и замер вдали. Все находившиеся на поляне зажали ладонями уши.

Первым опомнился Торгрим. Он раскрыл рот, пытаясь что-то сказать, но из горла вырывалось какое-то невразумительное бульканье. Пару секунд он безуспешно пытался справиться с голосом, потом хрипло прошептал:

— З... зачем это?

— Наш военачальник и друг, — спокойно начал объяснять невозмутимый Лаурендиль, — пытается вызвать одного из твоих братьев по крови.

— Обратней что ли? — усмехнулся оправившийся Торgrim.

— Почти. Подожди, сам увидишь, но сперва услышишь.

Тишину прорезал ответный вопль. Он всё приближался и вот на поляну выбежало существо... увидев его Торgrim закрыл руками в миг побледневшее лицо. Человекообразное существо было сплошь покрыто жёсткой волчьей шерстью. Длинные пятипалые ладони и ступни заканчивались загнутыми к низу когтями. Янтарные волчьи глаза на покрытой серой шерсти морде, хотя нет, лучше сказать, лице, не мигая смотрели на маленькое сборище, так бесцеремонно нарушившие его покой. Серые волчьи уши чутко прислушивались, шерсть на загривке, вернее, на подобии шеи встала дыбом. В первый миг я испугался, что пришедший сейчас на нас бросится, но бугул-ноз подошёл и протянул лапу-руку... Доррену:

— Привет тебе, сын людей! — провыл он на всеобщем. — Когда-то ты оказал моему народу большую услугу, и бугул-ноз не забыли этого. Ты звал меня?

Доррен без зазрения совести кивнул, а Лаурендиль толкнул меня локтем, чтобы не вмешивался:

— Если этот Отлучённый и впрямь что-то сделал для этих человекообразных волков, то и подчиняться они будут толь-

ко ему, и он это отлично понимает.

Бугул-ноз между тем продолжал:

— Я и мой народ рады будем помочь тебе, сын людей, хоть не часто мы помогаем люди, ведь люди ненавидят и боятся нас.

Доррен стал быстро что-то объяснять на незнакомом мне гортанном наречии. Бугул-ноз внимательно слушал, а потом повернулся ко мне:

— Ты тот варрад, о котором говорит сын людей?

Я смешался, но на всякий случай кивнул. Бугул-ноз протянул мне когтистую мохнатую длань. Я пожал её со странным чувством отвращения и привязанности.

— Хорошо, я призову свой народ и народ оборотней, мы поможем всем нечеловеческим расам в этой грязной, нечестной войне, что затеяли смертные. Возможно, к вам присоединяться оборотни, но мой народ не выйдет из лесов, ибо не хотим мы пугать своим видом наших союзников. Сейчас я ухожу, не хочу пугать своим видом этого воина-человека, — и он кивнул в сторону Торгрима, который укрылся за ближайшим вязом, — запомни, моё имя, Хармдаг!

Он повернулся и исчез в лесной чаще.

Доррен подошёл к Торгриму и положил ему руку на плечо.

— Не бойся, воин! — сказал он своим сиплым голосом. — бугул-ноз такие же живые существа, как и ты и твои друзья, и людям они никогда не причиняли зла.

Торгрим медленно открыл глаза и отодвинулся от дерева. Я обернулся к эльфу. Тот был нежно-салатового оттенка.

— Ты что! — возмутился я, — это же всего-навсего бу-гул-ноз!

— Всего-навсего! — странно тонким голосом возопил эльф, — таких страшилищ я в жизни не видывал!

— Как тебе не стыдно, Ты же лесной эльф...

Не успел я сообразить и повиниться в том, что пытался пристыдить одного из самых великих эльфийских военачальников, как к нам подошли Доррен с Торгримом.

— А почему он так орал? — спросил Торгрим.

— Предупреждал о своём приближении, чтобы не напугать своим видом. Но так как он думал, что его зовёт его брат или, видишь, наш Доррен, то не надел на лицо обычной маски из берёзовой коры.

— Я... — неуверенно начал Торгрим, — мог бы разыскать кое-кого из берсерков севера.

При этих словах, лёгкое дуновение воздуха всколыхнуло едва различимую дымку тумана, а вернее, пара. Пар... осенью? Дымка рассеялась, а я уже знал, кого сейчас увижу... на поляну, мягко ступая тяжёлыми лапами, неспешной вышел огромный пушистый белый кот, очень похожий и на горного барса, и на дикого камышового кота и на рысь. Кот остановился, медленно обвёл поляну пристальным... человеческим взглядом больших зелёных глаз.

Торгрим отшатнулся:

— У него человеческий взгляд! — прошептал он побелевшими губами.

— Приветствую тебя воитель! Назови нам своё имя, дабы мы могли общаться с тобой, как полагает храбрым воинам.

Белоснежный кот встряхнулся, и вот перед нами уже стоит человек: смертельно бледное лицо, синюшные губы, белые пальцы рук переплелись на груди.

— Хёскуль! — вскрикнул Торгрим, но ты же был смертельно ранен и утонул в море у берегов земли данов...

Драуг Хёскуль перебил его:

— Вот значит, что стоит старая дружба! Что, мёртвым я тебе не так нравлюсь, а помнишь, как мы дружили с тобой? Помнишь, как я учил тебя сражаться на мечях. Помнишь, как ты заслушивался моими рассказами о северных фиордах, о каменных троллях, живущих в горах, а?

Торгрим покраснел и протянул драугу руку. Тот пожал её. Со стороны казалось, что он хочет сломать Торгриму пальцы, но Торгрим лишь мужественно сжал зубы, а потом... вот неожиданность. Порывисто обнял Хёскуля. Странная необычная эта была картина: два берсерка живой и мёртвый, два бывших друга, между которыми лежала бездна под названием «смерть». А ведь Торгрим отлично знал, чем питаются драуги, и всё-таки не отшатнулся, преодолел страх и отвращение.

— Мне так тебя не хватало, Хёскуль! — тихо проговорил Торгрим.

— Мне тоже. Не хватало тепла живых, любви, участия. Кто же нас, кровопийц, полюбит. Даже инфери, — он презрительно сплюнул, — эти немые безвольные рабы своих хозяев, даже они ненавидят нас. Встретил я их предводителя однажды в лесах Галии, он со своими людьми отказался поинтересоваться чёрным магам, но он меня прогнал.

При этих словах Доррен сделал несколько шагов вперёд:

— Слышал я, — нарочито спокойно начал он, но его выдавали руки, судорожно вцепившиеся в отвороты плаща, — что у предводителя мертворождённых было имя? Не знаешь, как его звали?

— Понятия не имею! — довольно грубо оборвал Хёскуль, — он мне не представился!

— Но разве он не был известен...

— Может вам, смертным, он и известен, но моему народу нет никакого дела до этих безвольных рабов. Хотя, он, кажется, первый, кто стал жить по собственной воле и увёл за собой других. Но от этого любить его больше, чем теперь я не намерен. Ты, варрад, — обратился он ко мне, — их военачальник. Мой народ поможет вам. Уж слишком много людей развелось в округе! — он оскалился и этот дикий, звериный оскал и низкий хриплый хохот весьма убедительно подчёркивали его кровожадную природу. Да, и с такими союзниками мне придётся иметь дело!

Но Доррен прямо глядя в неподвижные белёсые глаза друга, невозмутимо заметил:

— Не забывай, Хёскуль, что именно благодаря людям, твой народ благоденствует в морских глубинах.

Драуг оскалился:

— А благодаря войнам ой народ становится всё многочисленнее.

И, обращаясь ко мне, драуг добавил:

— Я помогу тебе, варрад, но не жди, что я буду присутствовать на вашем военном совете вместе с живыми и этими бестолковыми инфери. Я люто ненавижу вас, и помогаю не вам, а своему народу, ведь, как я уже сказал, чем больше людей погибнет в битве, тем многочисленнее станет мой народ. Ведь не все представители моего народа обитают в морских глубинах.

Да я знал это: драуги или драугры, были не только утопленниками, но и сухопутными воинами, и земледельцами северных стран. Насколько я понимал, разница между ними и инфери состояла в том, что инфери призывал к жизни котёл Перерождения, а драуги возвращались в эту жизнь самостоятельно.

— Благодарю тебя, Хёскуль драуг! — негромко проговорил я уже в спину скрывающемуся за деревьями белому коту.

Доррен всё ещё стоял, бледный и взволнованный. Почему его так взволновала новость о том, что инфери снова появились, и тем более вышли из-под контроля. Если только...

Лаурендиль тронул меня за рукав и отвёл в сторону.

— Ну ладно, бугул-ноз и драуги действительно могут нам

помочь, но зачем принимать услуги от этого... — он махнул рукой в сторону поляны, — отверженного? Он, насколько я понял, не только отлучён от Белого совета магов, но и отвержен всеми людьми.

— Я не первый год имею дело с отверженными. Они здорово помогли нам в прошлую войну с магами. И, честно говоря, мне их просто жаль. У них же нет ни друзей, ни родичей — все отвернулись от них. Разве такой ценой нужно расплачиваться за единожды совершённую ошибку?

— За всё в этой жизни приходится расплачиваться, — философски заметил эльф, — а ошибки иногда оказываются роковыми даже для магов.

— Я считаю иначе: любому оступившемуся надо дать шанс исправиться, но к чему спорить? Каждый всё равно останется при своём мнении.

— Да, только не жалуйся, когда он вонзит тебе нож в спину!

— Об этом не беспокойся, с предателями у меня разговор короткий.

и я быстро вернулся на поляну, где тут же был встречен вопросом от Герреда.

— Надеюсь, инфери ты призывать не будешь?

— Во-первых, я не знаю языка Варатхэ, чёрного наречия, которому они подчиняются, а во-вторых, если часть их них больше не подчиняется тёмным магам, я вообще не понимаю, как можно с ними о чём-нибудь договориться.

— А ты уверен, что слова этого Хёскуля правда? — скептически спросил эльф.

— Такие существа, как он, врать не будут.

— Ха, не будут, они же ненавидят живых и при первом удобном случае попытаются...

Дымка вновь колыхнулась. Лаурендиль заметил и это, и мой настороженный взгляд, и характерный жест, которым все бывшие на поляне, призывали эльфа к молчанию, и краска медленно отхлынула от его лица.

— П-прости меня, пожалуйста, Хёскуль! Я... я не имел в виду, ничего...

Лёгкая дымка качнулась, словно кивнула. Друг принял извинения.

Он-то принял, но несчастный Лаурендиль ещё долго не мог прийти в себя от пережитого ужаса. ему слишком хорошо были знакомы легенды о том, что случалось, если оскорбить друга...

Было видно, что Доррен хочет что-то сказать. Он несколько раз подходил к нам, качал головой, но потом, видимо, решив, что к словам отлучённого вряд ли прислушаются, снова отходил и так и не решился заговорить. Я заметил его нерешительность, но не стал спрашивать, в чём дело, захочет, сам скажет. Интересно, за чем же Лаурендиль привёл его с собой. В этот момент, оправившийся Лаурендиль, непочтительно бросил, обращаясь к Доррену:

— Эй, отлучённый, а чем ты можешь помочь? Ты же ли-

шён магической силы.

— Да, но я знаю тайные тропы в горах. Когда я был рабом у гоблинов... — он замялся, и я впервые заметил, что он был абсолютно седым. Молодое лицо человека лет тридцати обрамляла копна длинных абсолютно седых волос, а на шее виднелись глубокие шрамы, явно от верёвок или, что вероятнее, цепей.

— Когда я бежал из гоблинских рудников, мне пришлось долго плутать по горам, прежде чем я выбрался на равнины. Ещё тогда меня не отлучили, и среди моих магических способностей одним была память. Надеюсь, я не утратил её после того, как... — он смутился и умолк окончательно.

Торгрим и я взглянули на отлучённого с немым почтением. Примолк даже недоверчивый эльф, а гном смотрел на Доррена широко открытыми глазами.

и я вдруг отчётливо понял, что все мы, пятеро, а, возможно, множество других понимаем и знаем об этой жизни нечто большее, чем любой простой обыватель. Мы смотрели в глаза тьме, мраку смерти, боролись с туманом лжи, обволакивающему сердца, ощутили горечь предательства и почувствовали вкус мести. Отныне мы все были связаны воедино незримой цепью, цепью боли, утрат и страданий. Не говоря ни слова, мы, все пятеро, в едином порыве сделали шаг вперёд и сплели наши руки. Несколько минут мы стояли в гробовой тишине, а потом в один голос произнесли на распев:

— Клянёмся светом солнца и пламенем, горящем в серд-

цах наших, клянёмся водами морскими и кровью горячей, что струится по жилам, клянёмся ветром вольным и дыханием нашим чутким, клянёмся блеском звёзд высоких и сиянием очей наших, клянёмся защищать друг друга, как самого себя, клянёмся помогать друг другу, клянёмся выполнять волю товарища, как свою собственную! Да не разорвать отныне этих уз, и даже смерть не властна над ними, дабы нерушимы отныне станут узы верности, связующие нас! клянёмся!

Мы даже и не подозревали, что подобную клятву произносили в эту минуту представители разных народов и рас, столь не похожих между собой по облику, характеру, обычаям, верованиям и привычкам, произносили, дабы скрепить нерушимой клятвой, связать воедино те крохи тепла и надежды, что продолжают тлеть в сердцах живых, пока стоят круги этого мира. Отныне судьбы всех живущих были связаны единой нитью, нитью судьбы, которую пряли безжалостные северные норны, алой нитью, имя которой — война, а словом, связывающим в узел нити судеб, отныне стало слово «Честь»!

Опустив руки и разойдясь по поляне, мы продолжили прерванный разговор, но я то и дело замечал, что мои друзья поглядывают друг на друга как-то по-новому. Произнеся клятву верности, все мы стали немного другими, обновлёнными. Глаза у моих друзей сияли каким-то неземным светом, у меня, видимо, тоже, потому что то и дело ловил на себе вос-

хищённые взгляды. Из задумчивости меня вывел эльф, сказавший:

— Помимо Оррод нас ожидают и другие напасти, вернее, не нас, а людей. Потусторонние твари, выпущенные магами в этот мир для уничтожения себе подобных, то есть людей-магов.

Дальнейшей реакции не ожидал никто. Доррен вздрогнул всем телом и, пошатнувшись, закрыл руками вмиг побледневшее лицо, и, если бы я не подхватил его, он, наверное, упал бы.

— Прости, Доррен! — вмиг опомнился эльф, — я не хотел. Я не думал...

— Это жестоко! — прохрипел отлучённый, — напоминать мне о моей роковой ошибке, за которую я вынужден расплачиваться всей своей жизнью.

— Я не хотел обидеть тебя, я просто не подумал, что именно ты... выпустил этих тварей. Но ты же мстил людям, так это объяснимо.

— Ни одна месть не может оправдать сотен тысяч невинных жизней, загубленных по моей вине, — прошептал Доррен.

— Успокойся, мы тебя ни в чём не виним! — положил я ему руку на плечо. — И к тому же, ты же пришёл помочь нам, значит, искупить свою вину...

Этот горестный диалог был прерван неожиданным визитом. На поляну одновременно вышли трое: невысокий во-

ин, ростом примерно с гнома с огромным луком у пояса и в венце из осенних листьев, и двое высоких красивых воина, один в кольчуге и шлеме, с мечом у пояса и копьём на плече, другой с огромным луком за спиной. Все трое были одеты в одежды коричнево-зелёного цвета. Я сразу узнал в них вождей свободных лесных племён. Невысокий вождь выступил вперёд:

— Мой народ, народ друэдайн из рода Вольных Охотников, приветствует тебя, о повелитель! Мы рады помочь тебе, чем сможем!

Ну и ну, племя Друэдайн из рода Вольных охотников давным-давно живущее скрытно в дальних западных лесах, только раз на моей памяти предлагало помощь людям, но эта история произошла много лет назад в далёких западных королевствах, и я даже не знаю, правда это или нет. Но как бы там ни было, лесной низкорослый народ Друэдайн, когда-то подчинявшийся верховному королю следопытов-северян, покинул свои глухие леса и под предводительством Ган-бури-Гана пришёл на помощь расам, предводитель которых был из народа варрад, народа, который лесные дикари недолюбливали.

— Благодарю тебя за предложенную помощь, вождь Ганбури-Ган! — и я взмахом руки отпустил вождя.

Следующим вперёд выступила женщина в кольчуге.

Она низко поклонилась, как и вождь дикарей и сказала на всеобщем, но с сильным гортанным акцентом жителей се-

верных лесов. Голос у воина был зычный, низкий, но явно женский.

— Мы, народ халладинов, предлагаем тебе свою помощь. Нам ведомы все тропы в лесу.

Давно никто не видел предводительницу Халладинов, и уж тем более не слышал, чтобы гордая непреклонная Халед сама предлагала помощь другим народам.

Я милостиво кивнул Халед, и обратил взгляд к третьему воину, вышедшему вперёд. По примеру вождей он поклонился и заговорил, странно коверкая слова всеобщего языка:

— Я, вождь племени Коранияйд, протягиваю тебе руку помощи. Мы слышим, как за сотню миль ветер срывает листву с деревьев. Мы слышим любой, самый тонкий звук, если его подхватит ветер. Наши охотники попадают в глаз малиновке, что сидит на высоченном дубу на другом краю топей. Мы поможем вам, если вы заманите ваших врагов в леса.

Племя Коранияйд! Племя лесных колдунов, не покидающее своих болот далеко на северо-востоке, тоже пришло нам на помощь. Да-а, поистине тяжёлые времена настали! Ничем не выдав своего изумления, я кивнул, внимательно оглядев всех троих.

— Ваши слова и ваша помощь очень ценны для меня, — начал я, тщательно подбирая слова, дабы ненароком не оскорбить гордых вождей, — И я от лица всех рас прошу прощения у достопочтимых вождей, что своей просьбой нарушаю их покой и уединение их народов.

но правительница халладинов заговорила вновь:

— Мои люди сообщили о грядущем сражении высоким людям севера, и они уже спешат сюда. Лаурендиль сообщил нам, что сбор будет в день осеннего равноденствия в долине меж лесом Имрис и Гномьими холмами.

Я торжественно пообещал эльфийскому военачальнику все муки подземного мира, куда он отправится немедленно после ухода лесных людей. Торжественное обещание было дано, разумеется, телепатически, но эльфа это не спасло. Эльфы, как и варрад и люди-маги, не лишённые магического дара, и некоторые другие расы читают мысли с такой же лёгкостью, как обыкновенные люди, книгу. Лаурендиль, кажется, не обратил на мою угрозу не малейшего внимания, но торжествуяще прошептал стоящему рядом Торгриму: «Что я говорил! Не надо тебе никуда отправляться!» тот в ответ пнул эльфа локтем в бок, чтобы не мешал переговорам. Но я уже отпустил вождей, и теперь с грозным видом повернулся к эльфу.

— Ну что? — заискивающе глядя мне в глаза поинтересовался эльфийский военачальник, — Самому петлю готовить, или ты подсобишь? Да к тому же у меня последний кусок мыла уже закончился.

— Почему я, повелитель, узнаю обо всём в последнюю очередь?

— А потому что повелитель был слишком занят собственными проблемами личного характера больше, чем делами

государства и безопасностью своего народа! — отпарировал эльф.

— Что?! И что ты об этом знаешь?

— Да о твоей безнадежной любви к вашей повелительницы все расы знают. А, может, не столь безнадежной? — улыбнулся он.

— Ну, почему я не могу думать на индивидуальной волне?..

Я круто развернулся на каблуках и шумно выдохнул, выпуская остаток раздражения. Друзья облегченно вздохнули. Собрав пожитки, мы тронулись в путь. Беззлобно переругиваясь, мы отыскиали коней, разбредшихся по лесным зарослям, привязывать их к деревьям я и, видимо, остальные посчитали верхом жестокости. В вскочив в сёдла, я ненадолго задержался, чтобы свистнуть. На мой зов через несколько минут с неба камнем рухнул белоснежный крылатый жеребец, конь первого советника острова Ленос. Широкие белоснежные крылья, прижатые к бокам, не были заметны, так что конь ничем, кроме размеров не отличался. Мои спутники восхищенно охнули. Я вскочил на спину жеребца, свободлюбивые кони не терпели сёдел, поэтому варрад с детства приучались обходиться без них. Выехав на тракт, мы растянулись длинной цепью, но осторожный эльф предложил всем ехать слитной группой. «Так нас труднее будет застать врасплох!» все с радостью согласились, потому что ругаться на расстоянии в два лошадиных корпуса не очень удоб-

но. Таким образом мы теперь ехали в таком порядке: я ехал бок о бок с Лаурендилем и Торгримом, за нами — Доррен и Геррет. Ожесточённые споры по разработке нами хоть какого-нибудь мало-мальски пригодного плана дальнейших действий то и дело перемежались не менее бурными и ожесточёнными перебранками всех со всеми. Мне, наконец, надоела эта бессмысленная трескотня, и я, пришпорив коня, выехал далеко вперёд, намного обогнав своих спутников. Но не успел я проскакать и нескольких минут, как мне в плечо вонзилась стрела с чёрным оперением. Мои спутники. Они пришпорили коней и, нагнав меня, с тревожными лицами поставили коней в кружок вокруг своего повелителя схватились за оружие.

— Кажется, охотились только на повелителя! — задумчиво заметил Геррет.

— Разумеется! — сказал эльф, -убить полководца, значит, выиграть войну!

— А потом и перестрелять нас поодиночке, — добавил гном.

— Да перестаньте вы, утешители, и без вас тошно! Лучше скажите мне, чьей это работы? — и я протянул извлечённую из плеча стрелу. Извлекая её, я не смог удержаться от невольного стога, зазубренный наконечник плотно засел в теле и не желал вытягиваться. Стрела пошла по кругу.

— Наконечник гоблинской работы, — в один голос уверенно заявили Геррет и Доррен.

— А вот чёрное перо, перо ворона. Такими пользуются, когда хотят показать, что стрела не предназначена для мирных целей, стрела вестника, например.

— о чёрных вестниках мы и без тебя знаем, — огрызнулся эльф, ты, Геррет, лучше сообщи нам, кто именно мог выпустить эту стрелу. Уж не лесные люди, верно!

— Лесные люди предавать не станут, оборотни тоже, — задумчиво сказал я. — Эльфы чёрными перьями не пользуются принципиально, — Лаурендиль возмущённо фыркнул, — гномы используют в качестве дополнительного оружия только арбалеты, — настал черёд гнома возмущаться, — А вот люди...

— Да ещё и варрад, — мстительно подсказал эльф, оскорблённый до глубины души, что его народ могли посчитать предателями.

— И варрад, — со вздохом согласился я. — И среди нас могут найтись предатели.

— Да чего вы спорите! — взорвался гном, — люди это и всё тут! Я не имею в виду союзные народы, — быстро поправился он, поймав на себе взгляд недобро прищуренных глаз Торгрима, а Доррен спорить не стал, а, наоборот, ещё больше сгорбился, съёжился в седле. Я ободряюще похлопал отлучённого по спине. Тот обернулся и с благодарностью посмотрел на меня.

— Хватит пустых разговоров, — сказал я, — и, пожалуйста, Лаурендиль, проследи за тем, чтобы никто не смел напа-

дать на Доррена. Тебя, это, кстати, тоже касается, — добавил я уже мысленно. Эльф покраснел до корней волос и кивнул.

— Хватит, пора ехать! — обратился я к друзьям. — Лаурендиль, сколько там дней осталось до осеннего равноденствия, у меня нет с собой календаря, а сам что-то не сообщу.

— Четыре дня.

— Да, придётся поторапливаться. Итак, едем всю ночь и потом сколько хватит сил. Леса тянутся до самого Гномьего хребта, если понадобится отдохнём в лесу. Вперёд, друзья!

Всю ночь мы скакали во весь опор. Никаких неожиданных происшествий не происходило. Мы скакали в густом тумане и задолго после рассвета. Но, когда солнце перевалило зенит, мы расседлали коней и вместе с ними продравшись сквозь заросли, выбрались на поляну, очень похожую на ту, где мы встретились сутки назад. Люди сразу повалились на траву, отказавшись подкрепиться. Мы, оставшиеся трое, развязали котомки и немного подкрепились хлебом с сыром, запив нашу трапезу парой глотков нагретой в флягах воды. Затем и мы опустились на траву. Но, несмотря на длительный переход, никто из нас не заснул, все были слишком взбудоражены предстоящими событиями, чтобы думать о сне. Минут пять все наслаждались абсолютной тишиной, птицы уже улетали и в пустеющем осеннем лесу не слышалось ни звука. Но тут Лаурендиль не выдержал.

— Тишина, как в могиле. Уж на что я лесной эльф, такой

тишины с роду не слыхивал!

Его звонкий голос чересчур громко раздался среди этого мрачного безмолвия.

— Такая тишина бывает после пожара или после битвы, — подал голос Доррен.

— Не нагнетай, а! и так не по себе! — раздосадовано бросил эльф. — Думаешь я и сам не знаю, что предвещает ТАКАЯ тишина?

— Не сомневаюсь, что знаешь, — спокойно ответил отлучённый, — но наше положение сейчас таково, что...

— Ты хочешь сказать, что мы слишком беспечны?

— Именно это я и хочу сказать. По крайней мере, двое часовых нам не помешают.

— В округе нет ни чьих следов, ни магических, ни телепатических! — авторитетно заметил Лаурендиль, — так что за наш покой на ближайшие часы можно не опасаться.

— Как знаешь.

— Вот ты и стой на страже, раз такая охота! — огрызнулся эльф.

Доррен молча поднялся и отошёл к краю поляны, присев и опершись спиной о раскидистый тополь. Он сидел лицом к нам, и я видел, что смотрел он не на нас, не на другую сторону поляны, а перед собой странным, нечего не видящим взглядом. И я понял, что ушёл он не сторожить, а как бы отделил себя от остальных этим жестом. Я подошёл и присел рядом.

— Доррен, — тихо начал я, — скажи мне, что с тобой. я, может быть, смогу тебе помочь

Доррен поднял на меня глаза и благодарно улыбнулся.

— Нет, повелитель, но вы ничем не сможете мне помочь.

— Для тебя я Вэрд. Но я хотя бы попытаюсь.

— Хорошо, — после некоторого молчания, сказал он, — я расскажу... Вы знаете, кто такие отлучённые. Предавшие Белый совет и использовавшие свою силу во зло. Ещё до моего пленения гоблинами я вынашивал планы... предательства, — это слово он выплюнул, словно сгусток чёрной вредной крови и продолжил, — я передал чёрным магам многие ценные сведения, полезные в войне. Я просил их помощи, но они не приняли меня. Потом я попал в гоблинские рудники. Двадцать раз я бежал, но меня ловили, и вновь возвращали в забой и... в кандалы. За сто пятьдесят лет...

Охнули все присутствующие, неслышно подошедшие в самом начале рассказа. Доррен продолжил после короткой паузы:

— Когда я, наконец, смог выбраться на равнины, терпя лишения и голод, то рухнул без сил у подножия гор и мне тогда казалось безразличным, найдут ли меня гоблины или сожрут волки. Мне хотелось умереть. Умереть от отчаяния, когда я понял, что я лишён магической силы, но, главное... — и он повернул левую руку ладонью вверх, и мы все увидели, что на левой ладони у него то ли начерчен, то ли выжжен знак, клеймо предателя, отлучённого, а значит и от-

верженного всеми. Клеймо представляло собой сердце, разделённое красной полосой на две равные половины, белую и чёрную. Три стрелы пронзали сердце в трёх направлениях, словно раздирая его на части. Стрелы означали стрелы предательства, разделённое надвое сердце — разбитые надежды, утраченную веру в человека, красная полоса символизировала дорогу страданий, проходящую по границе светлой и чёрной половин, границе добра и зла. Подобное клеймо возникало сразу, как только верховный маг Белого совета узнавал о предателе. Подобный знак находился и на левой стороне груди, там, где сердце. Его невозможно было не смыть, ни стереть. Жгучая боль, не ослабевающая, а иногда и усиливающаяся с течением времени, сопровождала отлучённого всю оставшуюся жизнь. Только искреннее прощение всех живущих и тех, кто властвует этим миром в заоблачных высях могло уничтожить клеймо. Лет триста назад в самом конце войны магов я попал в плен к чёрным магам, которые хотели выжечь на мне клеймо их раба. Тогда им это не удалось, но они честно пытались, и я помню боль от раскалённого железа, когда его прижимают к открытой ране. А подобную боль веками вынужден терпеть отлучённый. Говорят, так как клеймо не было выжжено на теле и не начертано собственной кровью, а появлялось на коже без помощи подручных средств, боль была не такой сильной, как от клейма, которое вырезали на теле чёрные маги. А предавшим чёрных магов вырезали на правой ладони круг и прижигали рану калёным

железом, заговорённым особым образом. После этого одна половина круга оставалась ярко-красной, а другая чернела, что символизировало кровавое пламя войны и вечный мрак злого начала. Предатель с подобным знаком на правой ладони и на груди считался проклятым. И, если у отлучённых был шанс получить прощение, то у проклятых подобного шанса не было, если, конечно, проклятый не обратится к свету, ведь даже чёрные маги не рождаются со злом в сердце. Но в истории ещё не было случая, чтобы проклятый был прощён при жизни да и навряд ли после смерти. так что нашему Доррену ещё повезло, что его не приняли к себе чёрные маги, ибо, если и они разочаровались в нём... страшно даже подумать, что ожидало бы его тогда.

А Доррен продолжал:

— Меня не пускали на ночлег даже в хлева! В меня бросали камни, плевали в лицо, травили собаками. Пару столетий меня, как палый лист, северным ветром носило без приюта по всем дорогам этого мира.

Я невольно восхитился художественностью повествования. Как мог человек, переживший ТАКОЕ, говорить о своих страданиях так, как говорил Доррен. Он говорил тихо, прикрыв глаза, мёртвым голосом, не упуская ни единой подробности, словно бы он задался целью запугать своих слушателей. Гном и человек уже давно стали нежно-салатового цвета, даже эльф ощутимо вздрагивал. До меня донеслись его мысли:

«Я триста пятьдесят лет провёл в застенках чёрных крепостей. Но мы, эльфы, и не такое выдерживали. А он всего лишь человек, пусть даже и бывший маг, но сколько бы он не жил, он остаётся смертным. Я бы всё отдал, чтобы никогда не видеть этих глаз!..»

Бесконечная серая дорога под бледным нависшим небом, беспощадно поливающим дождём и иссекающим ветром. Он идёт по дороге, опираясь на ясеновый посох, идёт один и на лиги вокруг ни жилья, ни даже костерка, где бы могли оказаться люди.

Из-под полуприкрытых век Доррена скатилась слеза. Я приобнял его за плечи, а эльф, опустился с другой стороны и взял его за руку.

— Не плачь, Доррен, — сказал я, — Всё кончилось. Ты с друзьями.

Он не реагировал. Я потряс его за плечи.

— Очнись, Доррен! Ты на поляне, среди друзей, открой глаза, посмотри на меня.

Доррен застонал и открыл глаза. Страшен был его взгляд! В серых глазах метался ужас, смешанный с безумием. Минут десять он смотрел на меня, явно не видя, но вот взгляд его медленно прояснился и уже осмысленно сосредоточился на мне. Эльф продолжал что-то шептать, держа отлучённого за руку.

— Прости меня, Доррен. Я не знал... — сказал он.

Доррен улыбнулся словам эльфа, но обратился ко мне:

— За что, повелитель, вы так добры ко мне? Я не заслужил...

— Уже тем, что ты пришёл к нам, ты заслужил прощение. Да что там, всей своей жизни ты заслужил его.

Эльф, человек, гном и я встали вокруг дерева, у которого сидел отлучённый, и, вскинув соединённые руки, воскликнули:

— Именем солнца и луны, огня и воды, ветров и земли, мрака и света, жизни и смерти, я прощаю тебя!

Несколько минут длилось молчание. Доррен закрыл лицо руками, и мы поняли, что он плачет. Мы тихо разошлись, оставив его одного со своими мыслями. Никому не сиделось на месте, мы ходили по поляне, возбуждённо перешёптываясь или обмениваясь обрывками мыслей. Когда Доррен подошёл к нам, его лицо было как бы озарено светом. Но, к сожалению, страшные знаки не исчезли. Он ещё не был прощён богами, а без этого прощения он до сих пор считался отлучённым. Но он, казалось, не чувствовал боли, причиняемой знаками.

— Я... я, — и голос его пресёкся, — Я не достоин!

— Ещё раз заикнёшься о достоинстве, — заявил эльф, — пристрелю.

— А мы, если что, поможем, — бодро подтвердили Торgrim и Геррет, а я обжёг Доррена таким свирепым взглядом, что тот предпочёл ретироваться за ближайший дуб. Похоже, магические способности к нему ещё не вернулись, так как

прощение было неполным, и он по-прежнему не мог читать мысли, как большинство магов. Он по-прежнему считался отлучённым, но мы предпочли называть его либо по имени, либо странником, что как нельзя кстати подходило к нему и к подобным, палым сухим листьям, как он выразился.

Вдруг ко мне на плечо спикировал ястреб. Перелетая от меня к эльфу, он возбуждённо заверещал. Мы поняли, что объединённая армия людей движется от Великих гор к Гномьим холмам. Но это было не удивительно, неприятно удивило нас то, что самые наши худшие опасения сбылись: люди призвали огров,

И тут, несмотря на напряжённую атмосферу я улыбнулся. Ну, разве не смешно, Что люди, которые ненавидят магию во всех её проявлениях, хотя ту же магию они именуют религией и магистры их духовных орденов (слово магистр, кстати, и слово маг происходят от одного корня *Magis*, что значит «обучать, наставлять», магистр, что значит «наставник, глава» и маг, что значит «управляющий, управляющей внутренней энергией, силами природы и т.д.), так вот магистры их духовных орденов, сжигающие на костре женщин, которых посчитали колдуньями, эти магистры допустили, чтобы их адепты, верующие, или как их ещё там называют, прибегли к помощи созданий, которые по их мифам давным-давно вымерли, к помощи созданий, горячо ненавидимых ими. Откуда люди узнали, что именно в долине между лесом и холмами была назначена встреча войск их противника, оста-

лось неизвестном. Видимо, сообщили перебежчики. Птица умчалась, а мы немедленно тронулись в путь. Мы подкреплялись уже в сѣдлах. Нельзя было терять ни минуты.

Но без ещё одного происшествия всё же не обошлось. Поздним вечером мы остановились на ночлег, чтобы дать отдых коням и людям, ни Доррен, ни Торgrim не могли обходиться без сна много часов подряд, как мы. Судя по картам эльфа и гнома, нас отделяло от долины не больше полумили. Мы успеем прийти вовремя. Едва только слезли с сѣдел, люди тут же уснули, задремали и эльф с гномом. Я задумался о предстоящем сражении, устало привалившись к дереву. Густые, едва начавшие опадать кроны закрывали ночное небо, но даже сквозь них пятнами проникал яркий лунный свет. Где-то в глубине леса завывали волки. Так воют только оборотни в полнолуние. Я попытался сосредоточиться на предстоящих событиях, но мысли то и дело возвращались к отдалённому вою и полной луне. Оборотни не посмеют нападать на повелителя открыто, хоть они и на нашей стороне, но от них всего можно ждать, но даже они поостерегутся нападать на того, под чьим командованием собрались чуть ли не все магические народы волшебного мира. И ещё эта полная луна не давала мне покоя. Малый Круг замкнулся. Малым лунным кругом или кругом смерти издавна считали лунный цикл от одного полнолуния до другого. Если животворный солнечный свет считался светом жизни, поэтому Большим Кругом или Большим Солнечным Кругом, или Кругом Жиз-

ни в наших краях считали время от одного до другого летнего солнцестояния, то мертвенно холодный свет месяца или луны считался светом смерти, а в полнолуния достигала мощи тёмная магия Разрушения, оборотни в своей звериной ипостаси становились наиболее опасными, ночные кошмары обретали плоть и разум и способны были свести с ума даже самых чистых и светлых, незамутнённых нечистой совестью. Правда, звёздными лунными ночами творились и дивные чудеса, совершаемые эльфами, ведь бессмертные более нежели иные живущие защищены от тёмной магии, но даже и мы, бессмертные, то есть варрад и эльфы побаиваемся полной луны, хоть и любим звёзды. В такие ночи хуже действуют противоядия, и раны заживают куда медленнее, почти совсем утрачивает силу Магия Созидания, Исцеляющая магия, черпающая силы в солнечном свете. Так как мрак и рождённое в нём зло старше света и добра, то и малые круги замыкаются куда чаще, чем большие, ибо зло постоянно пытается проникнуть в помыслы и сознание не порабощённых им ранее. Наибольшей опасности вообще ночами, а особенно в ночи замыкания малого круга, подвергаются люди-маги, так как именно людям свойственна неуёмная жажда власти, которую и дарует им искусство магии, а тёмная магия разрушения, древнейшие формы которой были ещё до начала времён и были подвластны куда более могущественным стихиям, чем человеческое сознание, магия разрушения подпитывается из своего древнейшего корня и способна погубить

как и призвавшего её, так и рискнувшего её сокрушить. Властолюбивые люди часто забывали об этом, но если простым смертным опасность хоть и угрожала, но была не столь велика, то людям-магам приходилось несладко. Впрочем, любого мага, будь то человек или иное живое создание, всю жизнь подстерегают опасности. А Доррен был бывшим светлым магом, предавшимся злу, а даже для лишённого силы отлучённого опасность была слишком велика. Так что меня беспокоили отнюдь не волки и оборотни, а именно бывший маг, сейчас спокойно спящий неподалёку от меня. Но хоть я с минуты на минуту ждал чего-то неприятного, ТАКОГО я ждать не мог. Видимо, я задремал на несколько минут, потому что очнулся от тяжких продолжительных стонов. Я сразу понял, в чём дело и бросился к Доррену, походя ощутило пнув в бок эльфа, который тут же вскочил, выведенный из своего обычного пребывания в состоянии грёз наяву, свойственного только лесным эльфам и моментально понявший, в чём дело. Мы опустились на колени у тела Доррена, которое начали бить судороги. Он, не переставая, стонал, и стоны усиливались, как, впрочем, и бьющие его конвульсии. Я приподнял несчастного за плечи и устроил его голову на своих коленях. Глаза Доррена открылись, но было видно, что он нас не видит. Задумчивые чуть грустные серо-зелёные глаза теперь затягивала мутная пелена безумия. Широко открытые мутные глаза были полны невообразимым страхом, страхом и страданием. Глаза были устремлены мне в лицо, я кивнул

эльфу, тот взглянул и крепко сжав руки Доррена на распев начал произносить древние эльфийские заклинания, спасающие от чёрных чар безумия. Но тут эльф охнул и выпустил левую руку Доррена. Я тут же понял почему. Знак отлучённого на ладони проступил чётким контуром. Коснувшись его, я отдернул руки от нестерпимого жара. Следы цепей на запястьях проступили багровыми следами, на них выступила кровь. Доррен выкрикивал бессвязные фразы, смысл которых сводился к просьбам о пощаде и покаянным фразам. Нам было некогда прислушиваться. Обычно люди в таком состоянии не могут причинить себе вред, а вот рассудком повредиться могут, но судя по тому, что вряд ли подобный приступ был первым, сумасшествие нашему другу не угрожало, а вот привлечь своими криками нежелательных слушателей, не замедливших перейти от простого внимания к более решительным действиям, он мог, так что следовало разбудить Доррена как можно скорее. Странно, но ни Торгрим, ни Геррет так и не проснулись, так что эльфу пришлось расталкивать их, пока я нашёптывал на ухо Доррену успокаивающие слова, смешанные с заклинаниями, что мало помогало. Когда Лаурендиль объяснил ошалелым со сна друзьям, в чём дело и отправил их в дозор, что, к слову, заняло немало времени, ибо едва проснувшийся гном схватился за свою секиру, намереваясь, кажется, прикончить сначала эльфа, а уж потом искать неизвестных врагов, а Торгрим, понявший проблему по-своему, подскочил ко мне и схватив Доррена

за плечи, начал трясти. Успокоив обоих, мы отправили их в дозор, а сами ещё битый час старались успокоить Доррена. после могучих рук викинга бормотанья и вскрикивания смолкли, но сознание не вернулось. Тут-то я встревожился. Я и раньше видел людей в подобном состоянии, но столь продолжительным на моей памяти оно не было. Собрав все силы, я попытался проникнуть в замутнённое сознание Доррена. ничего хорошего я там не увидел. Смутные картины пыток, образы закованных в броню воинов, и сам Доррен, окровавленный и беспомощный. Мир вокруг наполнился жуткими воплями, бряцаньем оружия и доспехом, ржанием коней, жутким скрежетом и ударами бича. С большим трудом я воспроизвёл в своём сознании довольно чёткую картинку: Доррен, каким о его видел несколько часов назад на поляне после полученного прощения и связал это видение с его разумом. Мне это удалось, тогда я изо всех сил стал хлестать его по щекам, крича: «Вспомни себя, вспомни себя настоящим, освобождённым!» связь оборвалась и наступила тишина, темнота и ощущение пустоты в душе. Но это ощущение длилось всего мгновение, потом я снова был среди густого леса,, передо мной лежал Доррен, которого я действительно бил по щекам, но стоявший рядом эльф был спокоен, видимо, кричал я не наяву, ибо в противном случае сюда бы давно сбежались все окрестные оборотни и прочие нежелательные гости. Но тут Доррен взглянул на меня осмысленным взглядом и довольно сердито.

— Перестань меня лупить. У меня и так всё тело болит, ещё ты пытаешься превратить мою физиономию в пудинг, гоблинского приготовления.

Он засмеялся, но хриплым нерадостным смехом, и я понял, что Доррен за шуткой пытался скрыть стыд.

— Скажи спасибо, что луплю тебя я, а не наш берсерк. Он, кстати, пытался.

На холодном рассвете назначенного дня, мы добрались до долины и расположились на одном из холмов. Какой ужас! По всей долине двигались и перемещались полки. Войско гномов шло под предводительством родного брата Геррета, возглавляемое им в отсутствие военачальника. Гном тут же поскакал ему навстречу и принял командование. Лаурендиль поехал навстречу своему многочисленному войску. Доррен растерянно гляделся, но тут же увидел расположившийся на одном из ближайших холмов довольно многочисленный отряд людей, лучников и копейщиков. Это были отлучённые. Вот о какой помощи говорил он в день нашей встречи. Да, молодец наш Доррен, недооценивали мы его. Но не успел он повернуть коня, как его глаза расширились, и он глухо застонал. Из-за дальних холмов показался отряд мечников. Люди ехали ровными рядами, молча, сплочённо. Чёрные кони, чёрные плащи, чёрные мечи из гномьего Аспида, железа, для которого не страшен никакой магический огонь, пропитанного ядом, от которого нет спасения. Раны, нанесённые аспидным мечом, не только не заживают, но и

разрастаются. Впереди всех на вороном жеребце ехал высокий воин в чёрном плаще, отороченным ало-золотым по подолу и рукавам. На плаще был выткан знак проклятых. По долине пронёсся слитный стон:

— Мартин, Мартин Даллен! Предводителя проклятых боялись не только простые смертные, верховные маги Белого совета, его панически боялись все бессмертные расы. Всё живое бежало перед ним. За спиной послышался сдавленный хрип. Лаурендиль, отдавший какие-то приказания своим военачальникам и, успевший вернуться на наблюдательный пункт, стремительно зеленел и закатывал глаза. Но в обморок ему помешала грохнуться эльфийская выдержка и моя крепкая рука. Отряд проклятых остановился, но Мартин целенаправленно направил коня в нашу сторону. Остановившись буквально в десяти шагах от нас, он обвёл нас троих пронзительным взглядом смарагдово-зелёных, угрюмо горящих глаз и досадливо дёрнул левым плечом. Когда наши взгляды на миг встретились, я вздрогнул, так ненавидяще безжалостен и холоден был этот ледяной взгляд смарагдовых глаз. Казалось, его глаза видят тебя насквозь, так пронзителен был этот странный жестокий взгляд. Глядя в эти зелёные глаза, казалось, что нигде в мире нет больше приюта, нет тепла и света, нет радости и счастья. Но вместе с тем хотелось смотреть в эти глаза, смотреть и смотреть, смотреть без конца.

Доррен без слов выехал вперёд, едва завидев чёрного

всадника.

— Вот мы и встретились, отлучённый! — презрительно бросил Даллен, подняв забрало. — Триста лет мы не видались. Странно, что ты ещё жив, раб гоблинов. Я вижу, теперь ты взялся за ум, то есть стал прихвастнем этого... беловолового выскочки. Да, не думал я, что ты так низко пал, что сможешь унизиться до мольбы о прощении и пощаде! И сколько же он заплатил тебе за услуги, раб?

Его низкий, хриплый голос чем-то напоминал карканье ворона. Но что-то в звуках этого голоса завораживало. Да и весь облик чёрного воина запоминался на всю жизнь тому, кто видел его хотя бы мельком.

Доррен побледнел и отшатнулся, словно от удара, но, быстро опомнившись, ответил:

— Ты прибыл сюда, чтобы поиздеваться, так знай, что твои слова уже давно никого не трогают, проклятый! Все давно знают им цену. Не велика она, если времена меняются, а ты по-прежнему бродишь без приюта!

— Зачем я прибыл не твоя забота, а по поводу моих слов, ответу, думаешь, меня боятся и ненавидят только за дела? Нет! Если бы мои слова были так безобидны, как ты думаешь, вы бы сейчас не тряслись при виде меня, как осиновые листья.

— А зачем ты пришёл сюда, почему решил нам помогать?

— Помогать вам? — Мартин презрительно сплюнул, — помогать вам, горстке жалких оборванцев с большой дороги,

решивших поиграть в благородство, поизображать из себя славных воинов! А говорю с тобой я только потому, что решил поприветствовать тебя, жалкий прихвостень. Помнишь, небось, как умолял чёрных магов принять тебя, когда тебя выперли из Белого совета? А когда и ковен раскусил тебя, ты поступил на службу к этому, беловолосому, последнему из самого захудалого рода нелюдей, варрад, именующих себя сверхлюдьми, когда людьми они с роду не были, доблестные хвастуны, могущие только болтать о подвигах...

Я еле удержал своего скакуна, решившего вступить за хозяина, ведь кони варрад, помимо умения летать обладают и способностью понимать человеческую речь. Я остался невозмутим. Я был наслышан о манерах людей, подобных Мартину, и знал, что Мартин достиг в этом искусстве наивысшего мастерства. Также я помнил, что не следует слишком бурно реагировать на столь изысканные изъявления дружеских чувств, ведь для Проклятых, тех, кого ненавидят и боятся живые и даже мёртвые, а тем более для их предводителя, которого сторонятся даже свои, подобные речи доставляют удовольствие, сравнимое разве что с наслаждением от своих чёрных деяний, и мне не хотелось лишать его практически единственного наслаждения в бесконечно долгой жизни, и без того полной страданиями, но отнюдь не из-за альтруистических побуждений, я опасался за свою жизнь и жизнь моих друзей, ведь о непредсказуемом характере Мартина ходили легенды. Неразумно раздражать такого челове-

ка резким заявлением или тем паче выпадом. Доррен весь покрылся пунцовыми пятнами и тронул коня, но я поднял руку, останавливая его от опрометчивого шага. Но Мартин словно бы и не заметил реакции на свои слова и продолжал, обращаясь к Доррену:

— И ты искренно считаешь, что жалкая горстка людишек, которую ты к нему привёл, сможет отразить натиск сотен хорошо вооружённых воинов. Всё! Время магов и прочего сброда прошло, настаёт время смертных людей, новых верований и понятий. Вы не выстоите!

— Но ты тоже привёл своих людей, и как я понял, собираешься биться на нашей стороне, — как можно спокойнее сказал я, но Мартин не обратил на меня никакого внимания.

— Ты верно подметил: времена меняются и сдаётся мне уже изменились если добренькие миролюбивые эльфы выступают в одном войске с мэреинами, доблестные варрад сражаются на одной стороне с друзьями, а гномы не против поддержки дзвергов. Воистину теперь мир перевернулся с ног на голову. Неужели смертные, ненавидящие магию и верующие в иных богов так опасны, что весь волшебный мир братается друг с другом без разбора, объединяясь против ужасного врага, у которого есть только боевое искусства. Вы, могучие маги трясётесь перед жалкими людишками с остренькими мечами и копьями, вы готовы якшаться с убийцами, злодеями, поругателями, лишь бы те помогли вам победить? А как вы наградите их за помощь? Сами прикончите

или просто прогоните на все четыре стороны? А, отвечайте, доблестные воители и маги?.. молчите? А ведь сказать-то вам нечего.

Мы все несколько опешили от такого заявления. Первым опомнился Торgrim и потрясённо воскликнул:

— Это ты и твои люди разорили мою деревню, это были проклятые, а не даны. Я вспомнил, что ты убил моего отца, а с моей матерью ты...

Мартин расхохотался.

— да, не тем ты мстил полжизни! А если бы я запоминал каждую деревню и каждое селение, в которых развлекался, то надолго бы меня не хватило!

— Есть в тебе хоть капля сострадания? — возмутился Доррен.

— Сострадание, стыд, совесть, добро, зло, свет, мрак — к чему все эти ненужные слова, которые придуманы для оправдания слабыми. Кто знает, что такое добро, свет, совесть, сострадание и прочая чепуха? Да, я ненавижу всех людей, эльфов и прочих. А за что мне их любить, если они меня отвергли?

— Ты сам выбрал свой путь.

«Неужели нельзя его просто прикончить сейчас, когда он утратил большую часть своей мощи! Сто с лишним лет он был моим палачом в чёрных застенках!» — донеслись до меня мысли эльфа, а неслышно подъехавший к нам Геррет, пробормотал:

— А скольких моих собратьев он убил просто ради удовольствия!

Проклятый услышал и мысли эльфа, и бормотание гнома.

— О да, старые знакомцы! Лаурендиль, так тебя вроде, вижу, ты дорос до верховного командующего. Поздравляю, а помнишь, что когда-то я властвовал над тобой и над всеми твоими помыслами и желаниями. Какой выкуп мне сулили твои венценосные родичи!.. а о вас, гномах, я и не говорю. Слишком вас много было, таких... ну, мне пора, но на прощание я вот что скажу: не стоит легковёрно относиться к тем, кто, по-вашему, утратил своё могущество.

Уже тронув коня, он вдруг обернулся:

— О, а про тебя-то я совсем забыл, варрад! Тем магам, что держали тебя в плену и пытались выжечь на твоём лбу клеймо раба были осведомлены мною о твоей личности.

— Не понимаю, а зачем тебе всё это было нужно? — крикнул я ему вслед, но чёрный всадник уже скакал во весь опор к своему отряду, на скаку отдавая приказы на варатхэ,, чёрном наречии, языке Проклятых.

Я сжал кулаки. Теперь все они знают о том, что мне хотелось бы скрыть.

— Не переживай так, Вэрд! — обратился ко мне эльф, по лицу которого нельзя было сказать, что он не переживает, — Он над всеми так насмехается! В этом вся его суть.

— В том, чтобы убивать ни в чём неповинных женщин, стариков и детей? — сжав кулаки, воскликнул гном.

— Он бывший боевой маг, а даже светлым боевым магам тяжело прожить более месяца без поединка, конечно, в большей мере символического, а чёрный боевой маг живёт войной, то есть убийством и прочим с ним связанным, ну, вы меня понимаете. Став проклятым, он лишился своего могущества. Его остаточной магии хватает лишь на него самого, ведь ему более пяти сотен лет, а не один проклятый без магии не выдержал бы столько времени терпеть ту жуткую боль, что причиняют ему его отметины. Как воин он страшен, а как маг он уже ничего не стоит. Я бы не стал так его опасаться.

— Ты-то сам не больно смело выглядишь, — заметил оправившийся от потрясения гном.

— Надеюсь, нас больше не ожидают сюрпризы?

Он обернулся и посерел. С юга-запада шла армия мэреинов, каменных людей-исполинов, рождённых по преданиям во мраке чёрных пустынь, каменных пустошей, пропитанных чёрной магией. Рождённые из камня во мраке, они ненавидели всё живое. После великой битвы, в которой армию мэреинов удалось победить хитростью, рождённые после падения чёрной крепости, они то ли перешли на сторону света, то ли держали нейтралитет и присоединялись к войнам между другими расами по собственному почину, никому, кроме своего предводителя не подчиняясь. Обычные люди мало знали о них и часто принимали за каменных троллей, живущих в скалах.

Сдавленный стон, переходящий в предсмертный хрип, привлёк моё внимание. За своими мыслями я и не заметил ещё одну армию, движущуюся с северо-запада. Огромное войско людей Кадорна, великой северной империи, ведомое ставленником самого верховного короля, Эдвином Остроки-м двигалось с северо-запада, но не оно привлекло всеобщее внимание. Впереди безукоризненными конными и пешими рядами шли...

— Инхерии пришли к нам на помощь! — прошептал Торgrim.

Но Лаурендиль не разделял радужных взглядов северянина. Если небесное воинство, обитавшее в Вальхалле, по мнению викингов, было смертно на земле, ведь инхерии даже в небесных чертогах убивали друг друга, а потом воскресали, ели и пили, веселились, любили прекрасных дев-воительниц валькирий, то инфери...

— Инфери, Хранители Нижнего мира мёртвых! — пробормотал он.

— Хотелось бы знать, — начал я, — почему эти немые воины стали служить верховному королю Кадорна? Ведь Арун, повелитель Ануина, Земли смерти, повержен, и убивать на прежней стороне стало некого.

— Да! — вторил мне оправившийся от шока Торgrim, — на стороне добра, думается мне, им тоже найдётся работка, какую они понимают, слишком много всякой мрази развелось, — и пояснил, поймав недоумённый взгляд эльфа, —

колдуны-чернокнижники, ведьмы и прочие.

— Одним словом, Тёмные маги, их бывшие хозяева! — подытожил Лаурендиль.

— Они не виноваты! — вдруг заговорил белый, как мел, Доррен. Глаза его лихорадочно сверкали. Мы поражённо уставились на него.

— Ты что же, защищаешь этих бездушных кукол!..

Доррен обернулся к Торгриму и посмотрел на него долгим взглядом, в котором читалась горечь, и, кажется, презрение.

И тут до меня дошло, но дошло не только до меня, потому что Лаурендиль вдруг спросил:

— Доррен, среди них есть кто-то, кто тебе дорог.

Тот не ответил, но мы поняли всё по глазам, и по тому, как он смотрел на двоих всадников, что ехали впереди немого войска.

— Те двое были моими самыми близкими друзьями при... при жизни, — тихо сказал он, а потом продолжил:

— эти... люди... не виноваты в том, что стали такими, не виноваты в том, что их заставили мучить и убивать. Они только делали то, что им приказывал их хозяин, тот, кто их создал. Они утратили память о своём прошлом и теперь их дом и их родина, там, где обитают создавшие их силы, или маги, обладающие этими силами. Для них не существует ни зла, ни добра. Да, нередко инфери мстят живым за то, что они другие. Но инфери верны своему долгу, верны приказу и будут защищать свой дом, свою родину и честь своего пове-

лителя до конца, вернее, вечность. Разве можно винить их в том, что они защищают то единственное, что знают и понимают, к чему, возможно, привязаны, защищают точно также, как делал бы это каждый живущий.

— Верны своему долгу! — скептически фыркнул Торgrim. — когда они топили корабли для собственного удовольствия, безжалостно убивали женщин и детей в селениях и...

— А ты хоть раз видел хотя бы одного из них раньше, видел то, о чём сейчас говоришь? — спокойно спросил Доррен.

— Мне достаточно того, что я их сейчас вижу! — хмыкнул викинг.

— Ну вот. А я провёл среди них пятьдесят лет и своими собственными глазами видел, как весёлых трудолюбивых крестьян, добрых и отзывчивых рыбаков, умелых и гордых мастеровых, задорных и лукавых купцов, суровых и верных воинов убивали, а затем превращали в безмолвных рабов мрака. Я видел их лица, когда безжалостные мечи пронзали им грудь лишь затем, чтобы через несколько минут они вновь поднялись забывшими себя, свои семьи, свой дом, безжалостными бездушными немymi бледнолицыми воинами. Видел, как Мартин Даллен и его приспешники приказывали своим возрождённым бессмертным воинам идти и убивать всё живое, жечь и вырубать леса и дома, разрушать каменные укрепления и стены городов, и они шли, шли и... убивали, и жгли, и разоряли. И среди них были самые близкие

мне люди, мои школьные товарищи, почти братья. И я, куда жив, буду бороться за их счастье. И, если не смогу найти мага, который сможет воскресить их, то по крайней мере научу жить по-иному, научу разговаривать и творить добро, созидать, а не разрушать.

Торгрим ошеломлённо уставился на него, явно не понимая:

— Зачем тебе нужно возиться с этими... с этими... — он задохнулся и замолчал, так и не подобрав достойного определения для бледноликих воинов смерти.

— Я хочу хоть чем-то искупить свою вину, своё предательство!

— Да первый же из этих монстров разmozжит тебе череп или проткнёт своим бронзовым кинжалом, прежде чем ты посмеешь к ним приблизиться! — расхохотался Торгрим.

— Я же уже говорил тебе, что они знают меня, а я их. Вернее, я знаю их предводителя и его знаменосца, а этого вполне достаточно. Ведь теперь, когда рухнула власть ковена магов, и создавшие инфери маги разбиты и их могущество уничтожено, эти несчастные повинуются предводителю, самому опытному и жестокому среди них, ибо ни один из инфери не может жить сам по себе, не подчиняясь приказу. Всю жизнь, вернее, с начала их нового существования, их учили повиноваться. А как же иначе, ведь их сущности насильно вернули в подзвёздный мир и заключили в их мёртвые тела, тем самым оживив их и сделав бессмертными. а сколько лет, а мо-

жет, веков, многие из них пролежали в могильных курганах, прежде чем их тела вернули к жизни? О, несчастные страдалцы! Древний колдовской котёл, оживлявший мертвецов давно разбит, но его творения по-прежнему ходят по земле, а когда чёрные маги нашли новый способ, при помощи мощных заклятий оживлять трупы, к тому времени угасло и пламя знаменитого чёрного меча Дирнвина, которым, говорят, когда-то владел сам король Ридерх, великий верховный король Кадорна! Только ослепительно белое пламя этого меча, пламя всепрощения могло уничтожить безмолвное мёртвое войско Земли Смерти, но это пламя угасло навсегда, потому что иссяк источник древнейшей магии, и что теперь будет с несчастными...

Но Торгрим грубо перебил:

— Ты лучше о нас подумай, плакальщик! Нам-то что делать? Лично я не собираюсь сражаться на одной стороне с этими...

— Боюсь, придётся! — усмехнувшись, заметил эльф, — теперь они наши союзники, а без их помощи нам вряд ли выиграть предстоящую битву.

Но неугомонный Торгрим не собирался так просто прекращать столь занимательную беседу.

— А кто ты такой, Отлучённый, что так запросто говоришь о чудесах, подвластных только богам?

Доррен грустно усмехнулся, услышав, как обратился к нему бывший викинг, но ответил, дружески улыбнувшись

ему:

— Боги дали людям немало знаний. В прошлом я дипломированный боевой маг.

— Некромант что ли? — усмехнулся Торгрим.

— Нет, специалист по защитной светлой магии.

— Кстати, откуда ты знаешь о таком понятии, как некрмант?

— В той деревушке, откуда я родом, — ответил Торгрим, — жила колдунья. Весь дом у неё был увешан и уставлен костями и черепами каких-то зверей и даже, кажется, людей. И я слышал, как её называли некрманткой. И я понял, что это слово связано со смертью. Правда, она была хорошей знахаркой и заклинательницей, вся округа её уважала, уважала и боялась, ведь эти кости...

Во время этой задушевной беседы я с интересом наблюдал за Кадорнской бессмертной армией. Воспоминания давних дней были смутными, да к тому же, когда ты мчишься на разгорячённом коне в пылу битвы, стремясь ускользнуть от безжалостных топором и мечей, не до разглядывания внешности, а того единственного инфери, с кем я близко общался, я ни разу не видел в боевом облачении, ведь Адаон запретил Горхиру сражаться за него. Так что теперь я со всё возрастающим интересом наблюдал за бессмертным войском. Длинные бесцветные волосы прижаты ко лбу тускло поблескивающими железными обручами, затем в беспорядке падают на плечи и спину. Кожаные куртки, обшитые

железными пластинами, безукоризненно облегли их худощавые жилистые тела, грудь защищал бронзовый нагрудник, усаженный острыми шипами, скорее для устрашения, ведь убить раз умершего невозможно. Талии их охватывали тяжёлые бронзовые торквесы, за которые были заткнуты длинные железные мечи, сверкающие в лучах восходящего солнца, словно серебряные, а у конных с бронзовых торквесов вдобавок свисали узкие ремённые плети. Плетки были навешаны так густо, что напоминали гэльские килты. Штаны из невыделанной кожи были заправлены в чёрные сапоги, высокие голенища которых тоже были обшиты железными полосами и усажены бронзовыми шипами, а окованные шипастым железом сапоги пеших издавали сводивший с ума грохот.

Котёл Перерождения был уничтожен, но древние свитки сохранились. И вот, спустя много столетий, некий странствующий тёмный маг, я, кажется, догадываюсь, кто именно, вновь нашёл старинные свитки и фолианты, и вновь полчища бессмертных воинов под знаменем чёрного меча вступили в бой теперь уже с Белым Союзом. Но теперь ковен чёрных магов вновь разбит, но почему эти живые мертвецы перешли на светлую сторону. вероятно, их вела жажда убийства, а на стороне ковена сражаться уже было бесполезно, вот они и перешли на нашу сторону. Так или иначе, но нынешнему верховному королю Кадорна здорово повезло с таким пополнением для своей регулярной армии. При взгля-

де на неестественно выпрямленные на спинах коней, сёдел у бледноликих воинов не было, при взгляде на их неестественно выпрямленные фигуры, на их бесцветные волосы, в эти мертвенно-бледные лица, в пустые белёсые глаза. На безжизненных лицах у одних застыл жуткий оскал смерти, у других челюсти будто свело судорогой: лица напряжены, губы плотно сжаты, видимо, перед смертью они сдерживали крик боли. Но у большинства, как и описывали наши древние хроники, на лицах застыло холодное отсутствующее выражение, то есть нет, не выражение, пустота, пустота, которая, возможно была безмятежным спокойствием смерти, будь они действительно мертвы. Но теперь это спокойствие преобразилось в ничего не выражающую маску холодного безразличия, пустоты, жуткой, безнадежной, убивающей.

Эта пустота была страшнее звериного оскала или судорожной суровости, потому что при взгляде в эти спокойные лица с жуткой полнотой ощущалась вся неизбежность рока. Неподвижные белёсые глаза тускло горели одновременно равнодушием и злобой, ненавистью к живым за то, что они живые, лишь у воинов с безжизненно бесстрастными лицами в глазах не было ничего, ни злобы, ни ненависти, ни равнодушия. Они были пусты. Подёрнутые туманом забвения, они взирали на мир с холодным безразличием, на мир, который, без сомнения, видели, но он не трогал их.

Во главе отрядов этих жутких воинов на кауром в яблоках боевом жеребце ехал... Хулдред Свартабранд, Хулдред Чёр-

ный меч. Хулдред, говорят, был первым из мертворождённых, самым жестоким и беспощадным. Он, единственный из всех мертворождённых обладал телепатией, что делало его и его армию непобедимой. Его боялись больше предводителя Проклятых Мартина Даллена.

Надо лбом, вделанный в стальной обруч, словно Чёрная Звезда Смерти горел крупный глянцево-чёрный камень, ромбовидной формы. Лицо Хулдреда было бесстрастно холодно, и в тускло горевших глазах не отражалось ничего. Приотстав на полкорпуса лошади, как и положено, ехал знаменосец, везший знамя: на кроваво-красном фоне изогнутый чёрный меч Проклятых, в обрамлении шести чёрных звёзд. У обоих были длинные волосы, которые окутывали их подобно дыму или серому туману. Предводитель поднял руку, и на пальце сверкнул тусклым серебром массивный перстень с тем же антрацитово-чёрным филигранным камнем. Я безошибочно узнал Кольцо Силы, перстень мага. Так вот что даровало предводителю бледноликих воинов магические способности даже и после смерти. Повинуясь поданному знаку, сплочённые отряды воинов остановились. Дружно ударили о землю окованные железом сапоги пеших, зазвенели подковы коней, и тут же начали разворачивать ряды. Хулдред выехал вперёд и, развернувшись лицом к своему мёртвому воинству, начал отдавать команды. Странно было смотреть на бурную жестикуляцию и ответные кивки воинов. Повинуясь безмолвным приказам, длинноволосый зна-

меносец передал кому-то знамя и отъехал на правый фланг войска. Он, видимо, был ещё и правой рукой предводителя. Вдвоём они построили свои ряды. Противник не показывался. А союзные войска продолжали пребывать. Вот радостно вскрикнул Торgrim, это с севера подошло войско викингов, во главе с отрядом одетых в волчьи шкуры берсерков, над которым ему и предстояло принять командование. Викингов вёл прославленный Хауг хёвдинг. Рядом с ним гарцевала его дочь, воительница Гуннлёд. Увидев её, Доррен уже не мог отвести глаз. Почти сразу же показалась и армия Свана Хаора, полководца острова Нордланд. Перед сомкнутыми рядами воинов-северян тоже шли берсерки, возглавляемые Арне Хёдминссоном, сыном легендарного берсерка Хёдмина. От отца Арни унаследовал дар берсерка, а от матери горянки мудрость. Слава богам, он имел острое орлиное зрение. При его рождении все боялись, что он унаследует врождённую слепоту отца. Нордландские военачальники, Сван и Арне, как и скандинавы Хауг и Торgrim отличались не только необычайной схожестью, ведь их народы были близкими родичами, но и редкостным воинским умением. Армии построились в безукоризненные шеренги. И, оказалось, что армии мертворождённых, Проклятых и мэреинов выстроены в одну линию, прикрывающую объединённые армии людей, эльфов и гномов.

— Ну, с такими союзниками мы точно победим, — жизнерадостно заметил эльф.

— Лучше я погибну, чем соглашусь сражаться бок о бок с этими... — гном указал на отряд проклятых и армии мертворождённых и мэреинов,

— К ним можно привыкнуть, зато надёжные, — рассудительно заметил Лаурендиль.

— Ага, привыкнуть как же, особенно к манерам этого Даллена, — проворчал гном. Пришпорив своего пони, он повернул и поскакал к своему войску. Торгрим направился к скандским берсеркам, Доррен к своему отряду, а мы с эльфом некоторое время продолжали наблюдать за построением, потом и Лаурендиль поехал к своим, и я остался один. Усилив зрение магией, я оглядывал долину. Войска строились в боевой порядок, командиры отдавали приказы. Но враги всё не показывались. Я тяжело вздохнул и выехал на позицию, то есть на боевой смотр войск.

Лишь когда окончательно рассвело и взошло солнце в долину хлынул настоящий людской поток. Казалось, что против нас объединились все народы. Неприятным сюрпризом было то, что на стороне людей выступали и орки, дикий горный народец, сродни гоблинам и вечно с ними враждовавший. Если орки с людьми, значит, гоблины, наверняка, с нами. Что ж хоть это неплохо.

На переговоры от людей отрядили звероподобного воина, кажется, полуорка, полутролля, чем человека. Мы сошлись на вершине холма.

— Не думаю, что сегодня кому-либо из вас удастся уце-

леть! — прорычал парламентёр. — я здесь, чтобы сообщить тебе, что настанёт время людей!

— Конечно, — спокойно ответил я, — только люди почему-то пользуются услугами иных рас.

Громило, похоже, воспринял мои слова как личное оскорбление. Ни слова не говоря, он во весь опор поскакал к своим войскам, подняв руку, тем самым давая понять, что переговоры окончены и настала пора решительных действий. Я развернулся лицом к развернувшим свои ряды союзникам и поднял руку в характерном жесте. Не успел я сжать коленями бока коня, заставляя его взлететь, как оба огромных войска сшиблись. Я поднялся ещё выше, чтобы ничто не мешало обзору. Теперь я мог видеть гораздо отчётливее, чем при помощи магии, конь перемещался над полем быстрее мысли, и я успевал, как на шахматной доске, увидеть, рассчитать и проанализировать. Хорошо всё же, что ни люди, ни орки не способны к телепатии, ибо я разбрасывался мыслями как горохом из трубочки. Знание языков не требовалось. Армии союзников действовали слаженно, как единое целое. Противник растерялся. Орки смешали ряды, а люди безуспешно пытались восстановить дисциплину. Но вскоре они, видимо, поняли, кто их настоящий враг и в меня полетели стрелы, дротики, арбалетные болты и камни из пращей. Кончилось тем, что моего летуна всё же подбили. Перебитое крыло обвисло, и конь камнем полетел вниз. Я чудом избежал вражеского клинка, но не смог удержать сокрушитель-

ного удара о землю. конь придавил меня, и я лежал, беспомощный, не в силах что-либо предпринять. Кое-как я всё же высвободился из-под своего раненого жеребца, но подняться всё равно не мог. Шок от удара ещё не прошёл окончательно, и я бы просто рухнул, не пройдя и десяти шагов. И тут ко мне метнулась чёрная тень, и чьи-то сильные руки подхватили меня. Человек бросился бежать, лавируя между собравшихся. Я взглянул в лицо своему спасителю и встретился с мрачно-горевшим взглядом пронзительно зелёных глаз. Но не успел я что-либо сказать, как прямо перед нами вырос давешний парламентёр, направивший наконечник копья в горло моему неожиданному спасителю. Руки у него были заняты, и он просто стоял, с вызовом глядя на неумолимо приближающийся наконечник. Полуорк не торопился, потому что знал, что нам обоим не уйти. Вдруг тонкий свист прорезался даже сквозь шум битвы, и узкий ремённый хлыст обвился вокруг голых запястий неожиданного противника. Тот вскрикнул и выронил копье, и в тот же миг некто третий достал его остриём меча, и в тот же миг разъярённый каурый жеребец сбил державшего меня человека грудью. Сидевший в седле, сжимал в одной руке окровавленный меч, а другой прилаживал к поясу хлыст. Не удержавшись на вставшем на дыбы скакуне, он скатился с седла и мы, все трое, выкатились из битвы. Меня, наконец-то, выпустили. Отдышавшись, мы молча взглянули друг на друга. Я сказал:

— Спасибо вам обоим, если бы не вы...

Но меня грубо перебили.

— Ты этого что ли спасал? — Мартин ткнул в мою сторону рукой, — С тобой у нас давние счёты. Помнишь, Хулдред, как пятьсот лет назад я убил тебя, чтобы потом самолично бросить твоё тело в чёрный котёл. Тогда, помнится ты был мне хорошим союзником.

Предводитель мертворождённых наклонился и поднёс к самому лицу Мартина кулак, а затем стремительно развернулся и, вскочив на спину застывшего каурого, сёдел у бледноликих воинов не было, так дёрнул поводья, что бедное животное присело на задние ноги. Мартин повернулся ко мне.

— Что ты ещё выдумал, беловолосый? Хочешь, чтобы все они остались без своего предводителя? Учти, в следующий раз меня рядом не будет. На руках выносить будет некому, ну, разве что он, — он указал вслед исчезнувшему Хулдреду. — А теперь иди и не суйся в самое пекло.

Он повернулся и бросился в самую гущу сражения. А я побежал по направлению к холмам, за которыми раньше заметил раскинутый шатёр. Кто из союзников разбил для повелителя шатёр я потом так и не дознался. Сейчас я был им благодарен. Остановившись у самого шатра, я попытался усилить зрение при помощи магии. Усилить-то я его усилил, но я быстро устал от постоянного напряжения. Буду надеяться, что военачальники сами сообразят, что им делать. в шатре меня ожидали карты, которые я тут же просмотрел, отмечая расположение войск. Едва я успел закончить просмотр

карт, как снаружи раздались звуки труб, трубящие отступление. Я вылетел из шатра и заорал, поймав за руку пробегающего мимо герольда.

— Вы что, обезумели! Труби отбой! И разыщи всех военачальников. Пусть собираются у шатра. Мне нужно сообщить им необходимые сведения.

Герольд умчался, трубя отбой. Я окинул магическим зрением поле битвы... я понял, почему герольд трубил отступление. Союзные войска бежали и без всякого отступления. Насмерть стояли армия гномов, отряды мэреинов, мертворождённых, проклятые и отлучённые. Берсерки тоже сражались до последнего, но их было слишком, СЛИШКОМ мало! Ко мне подбежал Сван, оравший что-то, но что именно я не мог разобрать за шумом битвы, пришлось усиливать и слух. Сван затормозил, ухватившись за столб шатра.

— При всём моём уважении к вам, Вэрднур, я не могу поступить иначе. Мои люди гибнут. Арне сообщил, что почти все его берсерки убиты. Отряд Торгрима держится из последних сил. Хауга чуть не убили, а его викингов разъединили и теперь уничтожают практически по одиночке! Я не могу...

Слитный вопль прокатился над полем. Мы, как по команде глянули на юг, откуда неслась лавина.

— Роберто Гроцери пришёл нам на помощь! — неслось над холмами.

Закованные в броню конница, пешие мечники в лёгких

кольчужных рубахах, лучники и копейщики в кожаных доспехах, словно чешуёй покрытых металлическими пластинами. Острроверхие шлемы и с щиты с гербами страны Мечтаний, Дении, Ревена, Хальта — государств, входящих в состав объединённой империи Света, расположенной далеко на юге, образованной более пятидесяти лет назад, но ныне сокрытой от глаз смертных. В тот же момент солнце затмилось. Тучи птиц покрыли неба. половина из них ещё в полёте превращалась в воинов, в кольчугах и боевых плащах, выхватывающих мечи и сразу же бросающихся в битву — армия королевы-волшебницы Сеолы, правительницы империи Зорь, находившейся за Великим южным хребтом.

Сван тут же умчался к своим, а я как зачарованный смотрел на стройных всадников в сверкающих доспехах. Они, как буря смяли и разметали армии орков и людей, в панике бегущих врагов добивали мертворождённые, проклятые и мэреины. Гномы преследовали уцелевших. Но вот натиск ослабел, видимо, союзники решили, что основная атака отбила, а запасные отряды орков только и ждали этого. Огромные полчища орков и армии людей посыпались с холмов, в которых они были надёжно укрыты от глаз противника. Роберто начал отступать. Врагу удалось загнать его с большей частью войск в узкую часть долины, зажатую между холмами, и началось избиение. Военачальники сумели вывести часть войск потайными тропами и бросить на освобождение своего владыки. Хауг хёвдинг тем временем повёл своих ви-

кингов в наступление. Я не сразу понял, что это был обманный ход. Но враги, кажется, клюнули. Но император Роберто по-прежнему был окружён. К нему упорно пробивался отряд. Судя по неестественно выпрямленным спинам и по кауруму в яблоках жеребцу предводителя, это были инфери. Но вот Хулдред оттеснили от своих людей и буквально притиснули к белоснежному жеребцу императора. Но вот кони под обоими рухнули, тогда Хулдред заслонил своим телом Роберта и принял в грудь смертельный удар, предназначенный императору, но бледнолицый воин лишь досадливо передёрнулся и, выдернув клинок из груди, с меняющимся бесстрастным выражением на застывшем лице, кинулся в бой. Вскоре он, однако, припал на колени, видимо, был серьёзно ранен в ногу. Стоя на колени, он продолжал размахивать мечом, и успел положить немало врагов, прежде чем кольцо окружения было прорвано. Дальнейшие события я даже при помощи магического зрения разглядеть не мог и переключил своё внимание на Хауга, который тоже оказался отрезанным от своих воинов. Разъярённые орки, понявшие обман, наседали. Почти все его люди были уничтожены, Хауг видел это, и хотя я с трудом мог различить его лицо, я знал, что отважный нидинг ликует, ведь нет почётнее смерти в бою, особенно для нидинга, человека вне закона, заслужившего прощение и вечную славу, а Один в Вальхалле не делает различия между теми, кто жил по закону в мире живых и иными, но славно павшими воителями. Но вот он рухнул под

тяжестью насевших на него врагов, видимо, орки получили приказ брать пленников, потому что особых ран на теле могоучего викинга я не заметил.

— Отец! — пронзительный вопль, казалось, перекрыл шум битвы.

Гуннлёд, наконец, прорубилась к отцу. Её отряд, как не странно, уцелел и теперь воины расчищали мечами путь к своим вождям. Но не только викинги Гуннлёт спешили к ней на выручку. Отлучённые, ведомые Дорреном пробивались с другой стороны. Доррен пробился первым. Затем я уже ничего не смог разобрать. Скоро я увидел бегущего Доррена с потерявшей сознание воительницей на руках, а за ним нёсся Мэроп, предводитель мэреинов с легко несущий Хауга, тот стонал, закрыв глаза. Они бежали по направлению к врачевательному шатру, расположенному за прикрытием холма. И тут мимо меня промаршировал отряд гоблинов, толкавших перед собой шестерых обнажённых по пояс пленников, скованных цепями по двое. Не обращая внимания на сражающихся, гоблины по-хозяйски шествовали по полю سعی словно им каждый день приходилось устраивать показательные казни на полях сражений. Военачальники тоже увидели необычное шествие и приказали трубить отбой. Бой прекратился. Остановившись перед вражескими полчищами, гоблинский командир сложил ладони рупором и крикнул:

— Видите, КОГО мы вам привели, — пленников вытолк-

нули вперёд, — Узнаёте: это... — и он назвал имена шестерых прославленных людских полководцев Кадорна и правителей.

Гоблин махнул рукой. Всё дальнейшее произошло быстро, слишком быстро. Пятерых ослеплённых пленников освободили, а последнего придали мучительной смерти. Я не хочу вспоминать, что с ним сделали. До сих пор у меня пред глазами стоит перекосившееся лицо Доррена, в этот момент подошедшего ко мне.

— А, и не такое видели! — презрительно сплюнул Геррет, подошедший следом. — но, надеюсь, нашим врагам демонстрация понравилась, и они подумают, прежде чем сунуться!

— Зачем... Зачем они это сделали, — прошептал Доррен.

— Тоже самое мы сделаем с каждым, кого захватим живым! — вещал гоблин, оглядывая сомкнутые ряды противника. Орки попятились, но люди, наоборот, грозно надвинулись.

— Сейчас они начнут мстить за своих вождей...

Всё нарастающий шум привлёк моё внимание. Воины, как и союзники, так и враги указывали друг другу на него.

— Что э... — начал было Доррен и осёкся.

С солнцем творилось что-то неладное. Посреди дня оно вдруг стало меркнуть. Я не сразу понял, что произошло, а потом сообразил. Туман, густой и липкий туман заволакивал всё вокруг.

— Хёскуль! — заорал я, — Хёскуль выполнил своё обе-

щание.

И громко я поклялся:

— Клянусь, что тебя, Хёскуль, и твоих... людей на острове Ленос всегда будут рады видеть!

Мне показалось, что туман колыхнулся, словно принимая мою клятву.

Воины бросали оружие и в страхе бежали прочь, но куда убежишь от тумана. Но тут Доррен снова схватил меня за рукав.

— Гляди! — и Доррен указал на небо, где в свисте ветра и рёве пламени летели алые драконы, полукровки, потомки кровожадных скальных и безобидных серых драконов. А из леса выскочили оборотни в человеческом обличи верхом на волках. Союзники радостно заорали и бросились в бой сквозь начавший стремительно редеть туман. Драконы сделали круг почёта над полем, прицельно плюясь огнём в орков и вражеских воинов. Магический пламень, кстати, бывает нескольких видов: огонь драконов, который в свою очередь подразделяется на подвиды: уничтожающий, который сжигает всё на своём пути, пламень, который жжёт только врагов и ещё парочка сотен различных видов. Существует два основных вида магического огня, которым пользуются люди: Багровое или Всепожирающее Пламя используется боевыми чёрными магами, его невозможно погасить покуда всё не сгорит дотла. Если удавалось избежать смерти в огне, то ожоги никогда не заживали, а боль от них не проходила ни-

когда. Всепожирающее пламя рождено ненавистью, ненавистью смерти ко всему живому. В некоторых местах подземный огонь вырывается наружу. Такие огнедышащие горы люди, не обладающие магическим даром, называют вулканами. Исцеляющее или Возрождающее Пламя используется магами-целителями. именно из этого пламени и возрождается птица Феникс. Оно греет, но не жжёт, если к нему не прикасается зло. Чёрного мага или злого смертного оно способно покалечить, но не убить, так как убийство есть антагонист жизни, в служении которой и состоит суть мага-целителя. Золотое, возрождающее пламя, это солнечный свет, отогревающий даже камни. Вот почему маги-целители поклонялись восходящему солнцу, символизирующему пробуждение, помимо живительного света солнца, рассеянного в воздухе, ещё одной стихией мага-целителя и всех травников является вода, дарующая жизнь всему живому, а их цветами являются золотой, белый и зелёный, символизирующие солнечный свет, мудрость и возрождение, а мудрость как известно, происходит от магии исцеления, ибо нет ничего мудрее возрождённой жизни. Исцеляющим пламя названо потому, что оно является и Очищающим пламенем, пламенем искреннего прощения, исходящим от сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.